

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (74) — 2015

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Тел./факс в Иванове: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке
Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2015
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2015

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (74) — 2015

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39

Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,

www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Редакционная коллегия журнала «Женщина в российском обществе» поздравляет вас с новым, 2015 годом!

От души желаем в наступившем году реализовать творческие и жизненные планы, осуществить все задуманные проекты и идеи. Будьте здоровы, счастливы и благополучны!

2015-й — это год двадцатилетия с начала издания российского научного журнала «Женщина в российском обществе». Задуманный как печатный орган межвузовской научно-исследовательской программы, журнал стал за эти годы авторитетным изданием, объединяющим ученых из многих регионов России.

Позвольте проинформировать вас о творческих планах на 2015 год. В связи с нашей юбилейной датой мы планируем издать специальный выпуск журнала, в котором напечатать статьи ученых, вместе с нами в 1990-х годах создававших систему гендерных исследований и гендерного образования в российской высшей школе.

Предлагаем возобновить рубрику журнала, где будут печататься авторские учебные программы по гендерной проблематике для студентов разных типов учебных организаций, активизировать рубрику «Первая публикация» в поддержку магистрантов, аспирантов и молодых ученых.

Планируем открыть на страницах журнала постоянно действующий круглый стол по проблемам современной российской гендерной политики и гендерным аспектам управления, где свое мнение смогут высказать ученые, политики, общественные деятели.

Мы открыты для общения, поэтому ждем от вас предложения и пожелания относительно содержания журнала. Уверены, что в 2015 году он будет интересен широкому кругу ученых и практиков.

*Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова*

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ББК 60.561.51

И. С. Клёцина, Е. В. Иоффе

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В АНАЛИЗЕ ПРИЧИН ПРОЯВЛЕНИЯ НАСИЛИЯ В БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ

Проблематика насилия в отношениях мужчин и женщин, как одна из очень сложных, противоречивых и латентных проблем, входит в число тем, которые изучаются специалистами разных дисциплин социально-экономической и гуманитарной направленности. В отечественных научных работах феномен насилия между мужчинами и женщинами представлен как «супружеское насилие» [24, 45, 46], «домашнее насилие» [32, 33], «насилие в семье» [5, 8, 29, 35], «насилие над женщинами» [6, 9, 30].

Анализ литературы показывает, что исследование феномена насилия ведется по следующим основным направлениям: выделение специфики различных видов насилия в зависимости от содержания насильственных действий (физическое, психологическое, экономическое, сексуальное) [8, 12, 21, 38, 40, 49] и от типа отношений между мужчинами и женщинами (насилие в добрых отношениях, насилие на свиданиях, супружеское насилие) [24, 26, 27]; оценка распространенности насилия в межличностных отношениях мужчин и женщин [13, 24]; изучение социально-демографических и психологических особенностей жертв насилия [25, 31]; профилактика семейного насилия и организация работы с женщинами, подвергшимися насилию в семье [2, 17, 18, 39].

Несмотря на довольно широкий спектр изучаемых вопросов, связанных с проблематикой насилия, исследователями уделяется мало внимания такой важной проблеме, как анализ факторов, провоцирующих насильственное поведение. Кроме того, обсуждение проблем насилия в близких отношениях с неизбежностью затрагивает такие вопросы, как распределение ролей и властных полномочий, позиции доминирования и подчинения, неравенство в отношениях. Поэтому вполне обоснованным представляется использование идей *гендерного подхода* при анализе причин возникновения и распространения разных видов насилия в отношениях мужчин и женщин.

© Клёцина И. С., Иоффе Е. В., 2015

Настоящая статья посвящена анализу и систематизации причин проявления насилия в близких отношениях мужчин и женщин и их оценке с позиций гендерного подхода.

Гендерный подход предполагает учет интересов обеих социально-половых групп общества, поскольку главная цель реализации этого подхода — достижение гендерного равенства [41, с. 71]. При анализе исследований причин насилия в межличностных отношениях с учетом положений гендерного подхода в поле внимания должны оказаться следующие условия его использования:

— учет социокультурного контекста и изменяющихся социальных условий, в которых современные мужчины и женщины выстраивают свои добрые и супружеские отношения;

— междисциплинарность (детерминация такого сложного феномена, как насилие, может быть раскрыта при интеграции исследований разных научных дисциплин). Междисциплинарность гендерного подхода открывает продуктивные перспективы в исследовании любых социально-психологических явлений, где взаимозависимости между людьми синкретичны, являясь одновременно социальными, психологическими и экономическими;

— акцентирование идеи равенства гендерных отношений, которое предполагает рассмотрение не только мужчин, но и женщин в роли субъекта, продуцирующего насилие в отношении партнера;

— особое внимание к характеру распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин как субъектов межличностных отношений;

— акцентирование влияния на проявление насилия социокультурных факторов, а не биологически обусловленных предпосылок;

— обязательное рассмотрение вопроса о взаимосвязи гендерных норм, стереотипов маскулинности/фемининности и психологического самочувствия и поведения мужчин и женщин;

— разноразмерный анализ (в поле внимания исследователей должны оказываться не только характеристики субъектов отношений, но и влияние различных социальных институтов). Гендерный подход предполагает анализ исследуемого явления на разных уровнях социальной реальности, поэтому его применение к изучению феномена насилия обуславливает учет институционального уровня функционирования семьи и уровня межличностных семейных отношений [22].

Гендерный подход, разрабатываемый при изучении межполовых отношений как критика традиционных представлений о необходимости и целесообразности дифференциации ролей, статусов, позиций мужчин и женщин в публичной и приватной сферах жизнедеятельности людей, ориентирован на анализ систем доминирования/подчинения и провозглашает идею равноправия мужчин и женщин в сфере формальных и неформальных отношений. Ни у мужчин, ни у женщин нет оснований подавлять и подчинять себе друг друга, поэтому никакие виды насилия в межполовых отношениях неприемлемы. Отношения между мужчинами и женщинами должны выстраиваться на основе равенства позиций, учета целей и интересов друг друга. Равноправие — это признак здоровых и стабильных партнерских и супружеских отношений.

Причины возникновения и распространения насилия в отношениях мужчин и женщин

Все виды насилия, проявляемого в близких отношениях мужчин и женщин, имеют многофакторную обусловленность. В современной литературе, посвященной анализу семейного насилия, предлагаются разные варианты группировки факторов, провоцирующих насилие, например, по отношению к субъекту насилия выделяют внутренние и внешние факторы [47], в зависимости от научных дисциплин причины насилия рассматриваются в рамках социологического, юридического, феминистского подхода [11].

Проанализируем причины происхождения насилия в соответствии с *моделями*, предложенными в работе В. В. Солодникова [43]:

- лично-семейной;
- социокультурной.

Лично-семейная модель имеет несколько основных разновидностей.

Большинство людей, в том числе и специалисты, встречающиеся в своей работе с проблемой насилия, часто рассматривают его причины как следствие дисфункции нервной системы, генетических влияний, действия биохимических факторов или проявления личностных особенностей агрессора. Это описывается как та или иная форма *расстройства личности, психопатология*: «Что еще от него можно было ожидать при таком высоком уровне тестостерона», «Он совершает насилие, потому что псих», «Он больной человек», «У него дурной характер», «Он очень возбудим и агрессивен». Подобные объяснения, опирающиеся на *биологические предпосылки*, просты и привлекательны, но в результате они приводят к размыванию границ между переживанием возбуждения, сильных эмоций и насильственными действиями. Насильственные действия часто приписываются избытку определенных эмоциональных состояний, таких как гнев или сексуальное возбуждение, и в силу этого рассматриваются как естественные, а соответственно — неизбежные исходы подобных эмоциональных состояний.

В объяснении склонности мужчин к насильственному поведению пользуется популярностью биолого-эволюционный подход, который опирается на *теорию естественного отбора* (Ч. Дарвин) и на *принцип полового диморфизма*. В соответствии с этими взглядами в процессе эволюции у особей мужского и женского пола закрепились различные признаки: физическая агрессия, соревновательность, эмоциональная независимость и инструментальный подход к решению проблем — у мужчин, пассивность, склонность к сотрудничеству, эмоциональная зависимость и склонность к заботе — у женщин. По мнению психологов-эволюционистов, «естественное» предназначение мужчин сводится к конкуренции за статус и защите ресурсов, которые обеспечивают им право на воспроизводство своего генотипа, поэтому природа наделила их большей агрессивностью.

Биологический детерминизм нашел отражение и в *теории «агрессивного инстинкта»*, в которой сходятся взгляды на природу агрессии основателя психоаналитического направления в психологии З. Фрейда и авторитетного исследователя агрессии этолога К. Лоренца. Несколько основных тезисов объединяют

их определение агрессии. Агрессия — естественное внутреннее свойство человека. Человек обладает врожденной склонностью (влечением) к агрессивности. Агрессивная энергия периодически аккумулируется в человеке и нуждается в выходе или трансформации. Общая схема, отражающая положения теории влечения к агрессивности, приблизительно такова: агрессивное влечение — запускающий стимул — агрессивное поведение.

Хотя сегодня любую из теорий влечения можно отнести к устаревшему историческому багажу психологии, не стоит их недооценивать. Отношение к агрессии как к неизбежному злу человеческой природы очень широко закрепилось в общественном сознании. Мужчины, проявляющие жестокость по отношению к своим партнерам, часто отрицают свою ответственность («накопилось») и оправдываются, обвиняя женщин («довела»). Представители правоохранительных органов в различных вариациях слышат от агрессоров, когда они рассказывают о своем жестоком поведении: «Она довела меня до края», «Она выводит меня», «Она же знает, какой я», «Если бы она не сделала *x*, я не сделал бы *y*», «Она все продолжала (ныть)» [51].

Ограниченность подобного подхода к объяснению причин насилия в том, что агрессор представляется пассивной фигурой. Он копит «естественно» возникающее напряжение до момента, пока у него не «срывает клапан». «Переполнение чаши терпения» и, как следствие, насильственное поведение приписываются внешним средовым факторам: стрессу на работе, финансовым сложностям, супружеским проблемам. Действие этих факторов воспринимается как в целом неподконтрольное человеку «в одиночку». Этот взгляд подразумевает линейную зависимость агрессивного поведения от уровня эмоционального напряжения, в результате чего ответственность за насилие приписывается внешним факторам. Такое смещение акцентов при объяснении причин насилия позволяет агрессору снять с себя ответственность за «переполнение чаши», а значит и за насильственное поведение.

Похожая схема описания корней насилия основана на *фрустрационной теории* (Н. Миллер, Д. Доллард, Л. Берковиц), суть которой в том, что любая неприятная стимуляция приведет к эмоциональной агрессии в той степени, в какой она порождает неприятные ощущения (см.: [1]). При этом энергия агрессии не обязательно разряжается на своей первопричине. Страх наказания или осуждения за агрессию, направленную непосредственно на источник фрустрации¹, может обусловить смещение агрессивного побуждения на какую-нибудь другую мишень. В результате человек переносит свои враждебные чувства на более безобидные мишени. Именно о таком переносе идет речь в старом анекдоте о муже, который бранит жену, которая кричит на сына, который пинает собаку, которая кусает почтальона, а все это происходит потому, что на работе муж получил нагоняй от начальника. Таким образом, запускаются «эстафеты агрессивности» [50].

Исследуя различные стороны жизни нашего общества, ученые указывают на растущее число факторов, порождающих фрустрацию: резкие социальные

¹ Фрустрация (лат. *frustratio* — обман, тщетное ожидание) — психическое состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания [34, с. 406].

перемены, массовую бедность, неконтролируемую миграцию, чрезмерное неравенство доходов и производные от него существенные различия в качестве жизни различных социальных групп и многое другое [50]. Вносят свой вклад в усиление фрустрации и отечественные СМИ, особенно телевидение, формирующее у наших сограждан, в первую очередь молодежи, заведомо недостижимые жизненные стандарты [44]. В соответствии с этой теорией постоянный опыт фрустрации, возникающей в результате неудач, проигрыша, подавления в социальных отношениях, приводит к накоплению сильных эмоций и напряжения, которые находят свое выражение через различные формы бытового насилия.

Часто, чтобы нивелировать свою ответственность в ситуации семейного насилия, мужчина начинает рассказ о нападении на партнершу словами: «Ну, у меня тогда был такой тяжелый день на работе» или «У нас были проблемы с деньгами». Подобное декорирование жизни обидчика стрессом является попыткой сделать его действия понятными, обусловленными внешними обстоятельствами. Мужчина представляется в виде герметичного сосуда, который взрывается, когда давление достигает определенного уровня. Это упрощенная и неверная картина. Следует ответить на вопрос, что именно в структуре отношений этого мужчины с партнершей позволяет ему проявлять жестокое поведение по отношению к ней в те моменты, когда он сам оказывается под давлением. Если присмотреться поближе, «причина» стресса/давления сводится к тому, что он воспринимает партнершу либо как причину насилия (обвинение партнерши), либо как человека, который должен доставлять ему удовольствие («он наделен привилегиями») [51].

Многие теории насилия размещают объяснение в контексте семейной истории развития обидчика, а также жертвы. В соответствии с некоторыми психоаналитическими концепциями, например *трехмерной теорией интерперсонального поведения* В. Шутца, неудовлетворение базовых потребностей в раннем детстве проявляется в проблемном поведении во взрослом возрасте. Если в раннем возрасте ребенка постоянно контролировали, не давали проявить ему свою самостоятельность, не удовлетворили его потребность в признании и эмоциональной привязанности, то во взрослой жизни такой человек будет стремиться властвовать над другими, т. к. страх потери близкого взрослого партнера будет побуждать стремление подчинить себе его (см.: [1]).

Теория социального научения (А. Бандура) описывает насилие в терминах осваиваемого поведения, а не психопатологии или не при помощи дефектов характера. А. Бандура считал, что мы научаемся насильственному поведению, наблюдая за другими людьми (см.: [1]). Огромную роль в нормализации насилия играют СМИ. При просмотре кинофильмов и телепрограмм, в которых привлекательные и симпатичные персонажи бьют других ногами и кулаками, а также стреляют в тех, кто подвергает их состояние стрессу, мы получаем «message» о том, что у сильных существует право наказывать других людей, применять физическое насилие, чтобы добиться желаемого результата.

Исследования показывают, что часто мужчины, практикующие насилие в близких отношениях, сами выросли в семьях с насилием [19, 33, 51, 52]. Однако далеко не все свидетели жестокости в отношении родителей и жертвы семейного насилия становятся агрессорами [51].

По мнению ряда исследователей, терпимое отношение к насилию и жестокому обращению является отличительной особенностью россиян [7, 16, 23, 50], что может свидетельствовать о значимой роли социокультурных факторов в происхождении насилия. В случае социокультурных объяснений причины насилия размещаются в социальных структурах, традициях, нормах и верованиях. Рассмотрим примеры подходов, относящихся к *социокультурной модели* причин насилия.

Современные взгляды на проблему насилия в отношении женщин связаны с *феминистской концепцией патриархата*, понимаемого как господство мужчин над женщинами, и *идеями гендерного подхода* о равноправии мужчин и женщин в сфере формальных и неформальных отношений. Патриархальность общества, восприятие женщин как людей «второго сорта» укрепляет веру мужчин в то, что они имеют право совершать насилие. В феминистских теориях подчеркивается, что мужчины в процессе социализации усваивают представления о том, что насилие является приемлемым способом решения проблем и средством поддержания своего привилегированного положения в сексистском обществе. Психологическое, физическое и сексуальное насилие служит способом демонстрации собственной власти, контроля над ситуацией и права собственности на членов семьи, тем самым поддерживая патриархальную социальную структуру.

Одной из основных проблем семейных отношений выступает стремление супругов к самоутверждению через обретение власти и контроля над другими членами семьи. В сущности, важное для развития личности и почитаемое в современном обществе стремление к самоутверждению становится деструктивным в случае пренебрежения ценностью других. В условиях высокой конкуренции в разных сферах социальных отношений не все могут достичь высокого статуса и признания, а многие сталкиваются и с ситуациями подавления. Компенсацией в результате «проигрыша» чаще всего выступает самоутверждение за счет подавления кого-то другого и/или проявление агрессии. Иллюстрируют такую закономерность результаты исследований, в соответствии с которыми молодым россиянам, по сравнению с представителями других стран, свойственна большая приверженность ценности самоутверждения в ущерб ценности заботы о людях и природе [28]. Для современного российского общества характерна нарастающая агрессивность [50].

В *теории гендерных ролей* подчеркивается, что под давлением традиционных гендерных норм мужчины придают особое значение утверждению ценности и значимости своей личности. Когда мужчина не соответствует одному из аспектов традиционной мужской роли (профессиональная успешность, достойный социальный статус, материальное благополучие), он демонстрирует преувеличенную мужественность в другой области, тем самым компенсируя свою несостоятельность [4]. Если мужчины чувствуют свою беспомощность в обыденной жизни и их маскулинность оказывается под угрозой из-за ощущения бессилия, то вероятность проявления насилия очень велика [30]. Когда в обществе поощряется излишнее соперничество между мужчинами, то они стремятся доминировать, а насилие является одним из способов достижения желаемого доминирования и поддержания своего авторитета.

Ориентируясь на гендерные стереотипы, мужчины стремятся играть доминирующую роль не только в общественной жизни, но и в семье. *Концепция гендерных стереотипов* поясняет, что если муж не главенствует в доме, если за ним не остается последнее слово по поводу важных решений, то он считается «подкаблучником» [4]. Результаты социологических исследований показывают, что мужчин, претендующих на то, чтобы играть главенствующую роль в семье, заметно больше, чем женщин, готовых за ними эту власть признать. Так, среди мужчин большинство (61 %) считают, что *муж* — глава семьи и за ним при принятии важных решений должно оставаться последнее слово. Среди женщин с этим мнением согласны только 29 % [8]. Исследователями подчеркивается уже известная закономерность: супружеское насилие во всех его проявлениях более вероятно в тех семьях, где супруги придерживаются патриархатных представлений о мужских и женских ролях. Причем относится это главным образом к мужчинам. Если среди мужей из семей без насилия считают, что муж — глава семьи, 50 % мужчин, то в группах с насилием доля разделяющих эту точку зрения достигает 76 % [8].

Мужчина, который не доволен своей маскулинностью, своими отношениями с женщинами, часто использует насилие как способ компенсации возникшей неудовлетворенности. Учитывая, что серьезные разногласия по поводу домашних обязанностей, быта и воспитания младшего поколения сопровождают каждодневную жизнь 35—40 % семей с детьми [36], поражает число женщин, живущих в постоянном страхе и ожидании насильственных действий со стороны партнера, а также число готовых оправдать такие действия со стороны мужа по отношению к жене.

М. Кауфман, один из инициаторов крупнейшей всемирной кампании («Белая лента»), которая призывает мужчин и мальчиков выступить против насилия по отношению к женщинам, в ряду причин, приводящих мужчин к насилию над женщинами и другими мужчинами, обращает внимание на неравное распределение власти в обществе, осознанное или часто неосознанное ощущение права на мужские привилегии, страх мужчин оказаться не у власти, опыт пережитого или наблюдаемого в детстве насилия, связанную со спецификой традиционных способов мужской гендерной социализации пониженную способность понимать и разделять чувства другого человека, а также склонность подавлять эмоции и трансформировать их в гнев [19].

В *теории гендерной социализации* особое значение придается анализу социально-психологических факторов социализации мальчиков в современном обществе. По мнению М. Кауфмана, психические структуры мужественности формируются окружением ребенка, которое часто характеризуется постоянным отсутствием отца или других взрослых мужчин или, в лучшем случае, эмоциональным безразличием со стороны мужчин. Таким образом, маскулинность создается на уровне фантазии и основным механизмом ее формирования становится отторжение матери и феминности, что выражается в отвержении таких качеств, как заботливость и нежность. Специфика условий психологического развития мальчиков оказывает влияние на ослабление способности к сопереживанию, пониманию нужд и чувств других людей. Социализация мальчиков сопровождается нормализацией насилия и местами даже

его восхвалением (посредством игрушек, игр и СМИ). Кроме того, мальчиков с раннего детства учат подавлять многие чувства, особенно чувство страха и боли. Поэтому обычные механизмы эмоционального реагирования — от переживания эмоции до ее выражения — довольно ограничены у большинства мужчин. Но для многих мужчин одна эмоция имеет определенную ценность — это гнев. В результате многие эмоции трансформируются в гнев. Благодаря такому психическому оснащению мужественности становятся возможными акты насилия против другой личности [19].

Пока сложно говорить о наличии развитой системы социальных институтов, способствующих конструированию *ненасильственной маскулинности*, напротив, многие институты гендерной социализации поддерживают у мальчиков, юношей и мужчин проявления в поведении доминирования, подавления других и агрессивности.

В *семьях*, в соответствии с традиционными культурными нормами, мальчиков с раннего возраста учат уметь постоять за себя, используя силу. Мальчиков учат не проявлять свои чувства, а девочек учат заботиться о близких, сопереживать людям и жалеть их. Большую роль в воспитании детей играет стиль взаимоотношений между родителями и общая семейная атмосфера [29, 32, 33].

Современная российская *армия* далеко не всегда является для юношей и молодых мужчин школой мужества. Армия — показательный пример института, систематически формирующего маскулинную идентичность, в которой насилие играет решающую роль [49].

В *СМИ* агрессия и насилие часто репрезентируются как неотъемлемая часть маскулинной идентичности. В телевизионных передачах и кинофильмах, в печатной продукции разного вида нередко случаи демонстрации культурного одобрения применения мужчинами силы, поскольку агрессивность понимается как гендерно-маркирующая форма поведения.

В последние десятилетия особой популярностью у мужчин пользуется *движение пикапа*², которое ориентирует их в «женской психологии» и правилах поведения для «настоящего мужчины». Основоположником андерграундного движения пикаперов считается Р. Джеффрис. Именно он основал первый в мире семинар по соблазнению и первую в мире конференцию, посвященную вопросам знакомства и соблазнения. Он создал набор воззрений и методик, помогающих мужчинам улучшить понимание женской психологии и мотивации с целью повышения успешности в области сексуальных отношений. Вначале движение существовало на принципах товарищеской взаимопомощи, но сегодня обучение принципам и технологиям пикапа превратилось в успешные коммерческие проекты.

В России это движение тоже имеет своих лидеров, сайты, форумы, проводит конференции и тренинги, где мужчины обучаются технологиям общения с женщинами, эффективному использованию различных психотехник и приемов манипулирования. Одно из центральных понятий в пикапе — «*фоновое доминирование*» («метод удовлетворения женской потребности в защите и принадлежности к группе, управляемой сильным мужчиной» [48]). Пикапер должен

² Пикап (англ. pick up) — разг. подцепить, знакомство с целью соблазнения.

освоить паттерн «самодостаточного, уверенного в себе мужчины, который понимает механику межполовых отношений» [48]:

Фоновое доминирование — это адекватная органичная подстройка сверху, которую мужчина в отношениях использует на постоянной основе для внедрения, укрепления и поддержания своей лидерской роли в отношениях с женщиной... женщина должна понимать, что позиция сверху для тебя органична и ненапряжна. Настолько ненапряжна, что ты можешь относиться к женщине с долей покровительственного юмора и иронии. Например, используя легкий стеб, проходя, шлепнуть по попе слегка, приобнять за талию по-хозяйски. Вести себя с женщиной как хозяин. Например: «Женщина, где мое жрать?» Ты всегда в позиции сверху. С искрой в глазах, с юмором, с любовью и заботой, но чтоб она понимала, что ты можешь быть очень серьезным. Проси ее делать для тебя вещи. Заварить чай, купить почтовых марок. Вежливо, но твердо. «Будь добра, зайди по дороге домой в магазин, купи две бутылки минералки». Управляй женщиной.

Пикаперы используют еще одно понятие — «здоровые сбалансированные отношения», имея в виду, что «в отношениях один должен быть лидером, а второй ведомым. Здесь кто кого. Если она ломает тебя, то отправится на поиски более сильного самца. Ты должен сломать ее» [10].

Учитывая массовость последователей и увлекающихся идеологией движения пикапа даже среди имеющих стабильные партнерские отношения, а также интерес к этой теме телевидения, радио и газет, предоставляющих свои площадки для выступления его лидеров, перед общественностью встает вопрос: какую роль играет идеология пикапа в укреплении гендерного неравенства? Особенно он актуален в связи с тем, что среди причин бытового насилия мужчин в отношении женщин большинство современных исследований в качестве наиболее значимой выделяют *утверждение доминантной маскулинности как социальной нормы* [4, 30, 49].

Опора на положения гендерного подхода позволяет понять новые тенденции в сфере семейно-брачных отношений, характеризующие превращение брака в свободное *партнерство*, основу которого составляют равноправные отношения представителей разного пола. Такая семья отвечает потребности человека в личном жизненном пространстве и независимости, членов семьи объединяют взаимные чувства и потребность в близости и приватности. На смену традиционной модели приходит партнерская модель гендерных отношений — такой тип отношений в семье, при котором роли между мужем и женой не разделены, а взаимозаменяемы, отношения между супругами строятся не на доминировании и подчинении, а на основе равенства. В центр семейной жизни выдвигаются отношения любви и заботы о самореализации и развитии всех членов семьи. Смысл всех этих изменений — в снятии ограничений, существовавших в традиционном институте брака, в расширении возможностей личного выбора и развития независимо от половой принадлежности [20].

Однако распространенные в общественном сознании стереотипы об обязательном мужском доминировании побуждают мужчин и женщин в межличностных отношениях реализовывать не *партнерскую*, а *доминантно-зависимую модель отношений*. В такой модели главенствующая позиция завоевывается

мужчинами часто при использовании подавления и явного принуждения как способа воздействия на свою партнершу, а женщины обращаются к манипулированию как способу влияния и достижения властных позиций [21].

Проблеме использования *женской манипуляции* как форме проявления *психологического насилия* в гендерно-ориентированной литературе уделено значительно меньше внимания, чем проблеме мужского насилия в отношении женщин. Гендерный анализ позволил обратить внимание на проблему женского насилия в близких отношениях, которое проявляется в других формах по сравнению с мужским насилием [21], и критически рассмотреть феномен «женской власти» как манипуляцию, «власть слабых» в условиях «патриархатной сделки» [14, 15].

Так, в работе Е. А. Здравомысловой и А. А. Тёмкиной (2007 г.) при анализе причин женского манипулирования в сфере гендерных отношений акцент сделан на андроцентризме как культурном патриархате, который и порождает женские стратегии достижения власти. «Чтобы обойти препятствия, чинимые культурным сексизмом, нужно воспользоваться особым женским ресурсом, ресурсом слабого пола» [14, с. 85]. Авторы подчеркивают, что власть как способность действовать — это не только принуждение и доминирование сильного, но и влияние исподволь, манипулирование и скрытые способы достижения целей [14].

В психологической литературе в качестве причины женского манипулирования в гендерных отношениях рассматриваются условия гендерной социализации традиционного типа [3, 37]. Девочки и девушки наблюдают практики манипулятивного поведения, демонстрируемого близкими и знакомыми людьми, слышат позитивные отклики о женской хитрости, называемой «женская мудрость». В СМИ и художественной литературе также часто позитивно оценивается использование женщинами манипуляции в целях достижения собственной выгоды. На прилавках книжных магазинов много книг по так называемой «стервологии» [14], в которых психологи и «преуспевшие» женщины дают советы и пошаговые инструкции по завуалированному управлению мужчинами.

Итак, среди проанализированных биологических, личностных и семейных факторов, служащих предикторами насилия, в соответствии с идеями гендерного подхода ведущая роль принадлежит социокультурным факторам, устранение и корректировка которых рассматривается как посильная задача при осуществлении целенаправленных социальных, культурных и законодательных преобразований.

Меры профилактики насилия в отношениях мужчин и женщин

На Западе проблемой насилия в партнерских и супружеских отношениях специалисты стали заниматься в 70-х гг., в России — в 90-х гг. XX столетия. Основным приоритетом в этой работе стала организация помощи женщинам — жертвам насилия. Создавались кризисные центры для женщин и «горячие» телефонные линии. В 90-х гг. была осознана необходимость такого вида деятельности по противодействию насилию в семье, как оказание психологической помощи мужчинам, применяющим насилие, в освоении ими *альтернативных насилию моделей поведения*. С 2000-х уже и в России стала проводиться работа с мужчинами — субъектами насилия в семье.

Психологи некоммерческой организации «Мужчины XXI века» (г. Санкт-Петербург) отмечают, что в российском обществе нет традиции обращаться за психологической помощью; мужчин, кроме этого, сдерживают гендерные стереотипы, а мужчин, совершивших насилие, — еще и желание избежать осуждения и моральных проповедей. В результате эти «мужчины остаются как бы в нераспакованной капсуле своих душевных переживаний» [39, с. 98]. Поэтому для таких мужчин участие в программах, направленных на то, чтобы «разобрать накатанные рельсы канализации агрессивных проявлений в актах насилия», научить их преодолевать механизмы роста психического напряжения как сложной смеси боли, беспомощности, страхов и гнева, которые, постепенно накапливаясь, образуют «заряд», обучить поведению, альтернативному насильственному, — шанс измениться и изменить свою жизнь [39].

Психотерапевтическая работа должна быть направлена на достижение мужчиной, практикующим насилие, следующего: 1) понимания всех форм совершаемого им насилия; 2) осознания насилия как избранного образа действий и необходимости принятия за него ответственности; 3) осознания контекста насилия, как конкретного, так и личностно-психологического; 4) осознания последствий его насилия для всех сторон; 5) понимания смысла и ценности изменений и знания о полноценных альтернативах насильственному поведению [39].

Работа кризисных и семейных центров с женщинами — жертвами партнерского и супружеского насилия в основном концентрировалась на обеспечении безопасности, психологической реабилитации и поддержании самооценки женщин. Специалисты, ориентированные на гендерный подход, подчеркивают, что для прекращения насилия в партнерских и супружеских отношениях недостаточно добиваться изменений в установках и поведении мужчины, необходима помощь паре в изменении модели отношений с доминантно-манипулятивной на партнерскую [21, 42]. Н. В. Солнцева описывает основные составляющие партнерских отношений, которые получили название «Формула партнерства»: *уважение* — признание ценности и значимости партнера и его мнения; *интерес к партнеру* — то, что дает возможность видеть партнера, чтобы далее выстраивать с ним отношения; *общая цель* — связующее звено и сам предмет взаимодействия; *контакт и диалог*, в основе которых должны быть осознанное понимание того, чего ты хочешь сам, понимание того, чего хочет партнер, и умение согласовать цели всех сторон взаимодействия; *договор и права партнеров* как результат сотрудничества; *ответственность* — человек не может отвечать за других, но за свои действия в отношении другого человек несет полную ответственность [42].

Гендерный подход к проблеме насилия в семейных отношениях указывает и на меры по профилактике. Государство должно квалифицировать как преступление и осудить все формы насилия в семье и обеспечить систему помощи жертвам. Учитывая такую особенность проблемы насилия, как «невидимость», необходимо с помощью СМИ привлечь внимание к масштабам насилия и проводить просветительскую работу по изменению системы общественных взглядов относительно роли традиционных (патриархатных) гендерных норм в изменяющемся мире. В стандарты профессиональной подготовки специалистов, сталкивающихся в работе с проблемой семейного насилия,

должны быть включены программы, учитывающие гендерную составляющую семейных отношений. В сфере образовательной деятельности по профилактике и предупреждению насилия приоритетной должна стать работа с подростками и молодежью по развитию гендерной компетентности и навыков построения партнерских отношений с целью подготовки к семейной жизни.

Библиографический список

1. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия : теоретические подходы : учебное пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. 288 с.
2. Анкудинова Е. В., Гиниатуллина К. Организация работы с женщинами, испытывающими насилие в семье // Амурский научный вестник. 2013. № 3. С. 6—11.
3. Аносова Н. Манипулятивные практики во взаимодействии мужчин и женщин // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация : материалы V Международной межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации (10—12 ноября 2005 г.)» / отв. ред. Т. А. Мелешко, И. И. Юкина. СПб. : Алина, 2007. С. 40—44.
4. Берн Ш. Гендерная психология. СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. 320 с.
5. Бутаева М. А. Гендерные проблемы в отношении насилия в семье // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке : материалы III Международной научно-практической конференции, 5—6 мая 2012 г. Пенза ; Махачкала ; Ереван : Социосфера, 2012. С. 47—52.
6. Вартамян Ф. Е., Шаховский К. П. Насилие над женщинами // Психическое здоровье. 2009. № 2. С. 52—56.
7. Волкова Е. Н. Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми // Национальный психологический журнал. 2007. № 1. С. 44—47.
8. Горикова И. Д., Шурьгина И. И. Насилие над женами в российских семьях. М., 2003. URL: <http://www.owl.ru/rights/noviolence/index.htm> (дата обращения: 15.10.2014).
9. Даренских С. С. Семейное насилие в отношении женщин // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. С. 52—55.
10. Доминирование в отношениях (рубр.: Основы построения отношений) // Гильдия Пикапа. URL: <http://www.pickupguild.ru/teorija-soblaznenija/postroenie-otnoshenij/osnovy-otnoshenij/2563-dominirovanie-v-otnosheniyakh> (дата обращения: 15.10.2014).
11. Досина Н., Смирнов Я. Семейная власть как источник насилия // Власть. 2009. № 12. С. 118—121.
12. Ениколопов С. Н., Хвостова Е. С. Социально-психологические представления о сексуальном насилии в семье // Психология и право. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39333.shtml> (дата обращения: 24.10.2014).
13. Забелина Т. Ю. Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или «личное дело»? // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 66—72.
14. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Патриархат и «женская власть» // Российский гендерный порядок : социологический подход. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 68—95. (Тр. фак. полит. наук и социологии ; вып. 12).
15. Здравомыслова О. «Выйти из тени»: переосмысление женственности в исследованиях девичества // Неприкосновенный запас. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/ol10.html> (дата обращения: 20.10.2014).
16. Зеликова Ю. А. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 42—51.

17. *Зубрицкая А. С.* Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия // *Известия Дальневосточного федерального университета. Сер.: Экономика и управление.* 2009. № 3. С. 77—87.
18. *Ищенко М. В.* Социальные практики предотвращения домашнего насилия над женщинами : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 20 с.
19. *Кауфман М.* Семь «П» мужского насилия // *Женские миры — 99 : VII Всемирный женский междисциплинарный конгресс в Тромсо и гендерные исследования в России / под ред. О. В. Шныровой ; Ивановский центр гендерных исследований.* Иваново, 1999. С. 56—77.
20. *Клёцина И. С.* Гендерный подход в психологических исследованиях современных семейных отношений // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* 2011. Т. 5, № 4 : Психология. С. 107—119.
21. *Клёцина И. С.* Психологическое насилие в гендерных межличностных отношениях: сущность, причины и последствия // *Жизнь без насилия : материалы научно-практического семинара «Домашнему насилию НЕТ» / под ред. С. Л. Акимовой.* СПб. : Островитянин, 2009. С. 7—30.
22. *Клёцина И. С.* Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 2. С. 3—13.
23. *Кон И. С.* Бить или не бить? М. : Время, 2012. 448 с.
24. *Крюкова М. В.* Супружеское насилие в отношении женщин как социальная проблема // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки.* 2011. № 1. С. 45—51.
25. *Лазарева О. А., Рогулина И. П.* Влияние социально-демографических признаков на частоту насилия в семье над женщинами // *Психология, социология и педагогика.* 2014. № 2. С. 11.
26. *Лысова А. В.* Насилие в добрачных отношениях и гендерное равенство: результаты международного исследования // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* 2013. № 2. С. 111—118.
27. *Лысова А. В.* Насилие на свиданиях в России // *Социологические исследования.* 2006. № 2. С. 94—103.
28. *Магун В., Руднев М.* Ценностный портрет россиян на европейском фоне // *Демоскоп Weekly.* 2012. № 503. 19 марта — 1 апр. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0503/tema05.php> (дата обращения: 15.10.2014).
29. *Обыкновенное зло: исследования насилия в семье / сост. и ред. О. М. Здравомыслова.* М. : Едиториал УРСС, 2003. 200 с.
30. *Палуди М.* Психология женщины. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. 384 с.
31. *Парыгина Н. А.* Женщина — жертва насилия : (социологический портрет) // *Власть и управление на Востоке России.* 2009. № 1. С. 212—217.
32. *Пискалова М. П., Синельников А. С.* Домашнее насилие как объект социальной работы // *Социальная политика и социальная работа : гендерные аспекты : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой.* М. : РОССПЭН, 2004. С. 219—241.
33. *Потапова Е. А.* Что такое домашнее насилие: концептуальный подход к проблеме // *Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой.* М. : Academia, 2002. С. 489—502.
34. *Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова.* 2-е изд., перераб. и доп. М. : Педагогика-Пресс, 1996. 440 с.
35. *Родина И. В.* Насилие в семье как социокультурный феномен // *Социальная политика и социология.* 2007. № 1. С. 187—200.

36. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской ; Независимый институт социальной политики. М. : НИСП, 2009. 336 с.
37. *Румянцева П.* Основные направления практической гендерной психологии // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация : материалы V Международной межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации (10—12 ноября 2005 г.)» / отв. ред. Т. А. Мелешко, И. И. Юкина. СПб. : Алина, 2007. С. 70—76.
38. Сексуальное насилие : теории, подходы и методы исследования / Ю. И. Пиголкин, О. А. Дмитриева, Н. Г. Щитов, Г. Б. Дерягин. М. : Медицинское информационное агентство, 2008. 456 с.
39. Семья и домашнее насилие. Практика консультирования мужчин — субъектов домашнего насилия : учебное пособие / под ред. Н. М. Платоновой. СПб. : СПбГИПСР, 2013. 210 с.
40. *Сидоров П. И.* Сексуальное поведение и насилие. М. : МЕДпресс-информ, 2007. 272 с.
41. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой ; Региональная общественная организация «Восток — Запад: женские инновационные проекты». М. : Информация — XXI век, 2002. 256 с.
42. *Солнцева Н. В.* Формула партнерства как основа взаимоотношений между членами семьи // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. СПб. : Изд-во АНО «ИПП», 2009. Вып. 3. С. 64—69.
43. *Солодников В. В.* Социология социально-дезадаптированной семьи. СПб. : Директ, 2007. 384 с.
44. *Сочивко Д. В., Полянин Н. А.* Молодежь России : образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения / Московский психолого-социальный институт. М., 2009. 268 с.
45. *Сулейманова В. И.* Насилие в супружеских отношениях : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2006. 22 с.
46. *Фахретдинова А. Б.* Роль средств массовой информации в существовании супружеского насилия над женщиной в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2009.
47. *Фахретдинова А. Б.* Факторы, провоцирующие насилие над женщиной в супружеских взаимоотношениях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2008. № 1. С. 123—130.
48. Фоновое доминирование (рубр.: Развитие и удержание отношений) // Пикап : форум. URL: <http://forum.pickup.ru/index.php?showtopic=143314> (дата обращения: 15.10.2014).
49. *Ходырева Н.* Причины физического насилия: сущность рода или дисбаланс власти? // О муже(Н)ственности : сборник статей / сост. С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение. 2002. С. 161—185.
50. *Юревич А. В.* Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 3. С. 68—77.
51. *Blacklock N.* Domestic violence: perpetrators, the community and its institutions // Advances in Psychiatric Treatment. 2001. Vol. 7. P. 65—72.
52. *Jenkins A.* Invitations to Responsibility. Adelaide (Australia) : Dulwich Centre Publications, 1990. 320 p.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН, ПОЛУЧАЮЩИХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Развитие системы дополнительного образования и его относительная доступность в наше время превращают его в один из наиболее актуальных вариантов личностного роста. Под категорией «дополнительное высшее образование» мы понимаем второе и последующее обучение в вузе, предполагающее приобретение студентом новой специальности, а также высшее после среднего специального, сопровождаемое сменой профессии. Принято считать, что женщина в качестве способа самореализации в первую очередь выбирает семью. Однако на сегодняшний день представительницы женского пола составляют значительную долю продолжающих обучение после получения высшего образования. Поэтому важно понять, какие именно мотивы стимулируют женщину к принятию данного решения, а также какими отличительными личностными характеристиками она обладает. С этой целью нами было проведено специальное исследование.

В литературе достаточно редко затрагивают проблемы, связанные именно с дополнительным образованием, чаще осуществляют анализ учебных мотивов в целом. Например, в работах Е. П. Ильина среди главных мотивов поступления в вуз называются: стремление быть среди молодежи, важность получения и применения профессии, соответствие профессии склонностям и интересам личности, творческие возможности [1, с. 264]. Как полагает автор, существуют различия в ведущем мотиве между женщинами и мужчинами. Женщины отмечают «большую общественную значимость профессии, широкую сферу ее применения, возможность работать в крупных городах и научных центрах, желание участвовать в студенческой художественной самодеятельности, хорошую материальную обеспеченность профессии» [1, с. 264—265]. Мужчинам более свойственно стремление выбрать специальность, соответствующую их интересам, а также продолжение семейных традиций.

Проблемы гендерных различий студентов рассматривались также в работах С. Н. Макаровой, Н. А. Птицыной и Л. В. Зубаревой, Ю. С. Тукачевой [2, 4, 6] и других авторов.

В статье И. П. Поповой достаточно подробно рассматриваются социально-демографические характеристики женщин, имеющих детей и в то же время проявляющих образовательную и профессиональную активность. Анализируя результаты социологического исследования, проведенного в 2008 г. в Москве, автор отмечает, что «рост уровня образования существенно влияет на социальный статус женщины и ее успешность...» [3, с. 52]. В частности, обнаружена прямая зависимость между уровнем образования женщины и ее материальным

положением, уровнем удовлетворенности положением на работе, в семье. Дополнительное профессиональное образование также укрепляет социальный статус женщины [3, с. 57].

Но все упомянутые работы носят скорее социологический характер. Социологическую точку зрения вполне может, на наш взгляд, дополнить психологический анализ индивидуальных характеристик личности и мотивационной сферы студентов.

В нашем исследовании эмпирическую базу составили 247 человек в возрасте от 19 до 52 лет, из них 60 мужчин и 187 женщин.

В состав экспериментальной группы были включены две категории женщин: получающие либо получившие в недавнем прошлом второе высшее образование, а также обучающиеся в вузе по новой специализации после колледжей и техникумов (всего экспериментальную группу составили 144 человека).

Исследование предусматривало две контрольные группы: 60 мужчин, получающих второе высшее образование, и 43 женщины, имеющие (получающие) только одно высшее образование.

В экспериментальную группу попали люди с различным материальным достатком и семейным положением. Причем указанные соотношения данных характеристик как для женщин, получающих второе высшее образование, так и для женщин, овладевающих новой профессией после получения среднего специального образования, уравновешены.

В качестве основных методов исследования мы использовали анкетирование, тестирование и методы математического анализа данных. Нами были применены следующие методики:

- 1) «авторская анкета»;
- 2) FPI [5];
- 3) диагностика мотивов аффилиации (А. Мехрабиан в модификации М. Ш. Магомед-Эминова) [7];
- 4) диагностика мотивации достижения (А. Мехрабиан) [7];
- 5) изучение мотивации обучения в вузе (Т. И. Ильина) [1];
- 6) изучение мотивов учебной деятельности студентов (модификация А. А. Реана, В. А. Якунина) [1].

Среди методов математико-статистической обработки данных были выбраны: анализ средних значений, корреляционный анализ Пирсона для выявления взаимосвязей изучаемых характеристик и t-критерий Стьюдента для сравнения независимых выборок.

Вначале мы постарались сравнить, как выражено желание привнести изменения в различные сферы своей жизни у различных категорий респондентов. Оказалось, что женщины, получающие второе высшее образование, в большей степени хотят сменить профессию по сравнению с мужчинами той же категории и женщинами, имеющими (получающими) только одно высшее образование (статистическая значимость различий $p < 0,05$). Особенно это характерно для женщин, имеющих детей (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,197$ при вероятности ошибки $p \leq 0,01$). К тому же у женщин с несколькими высшими образованиями более выраженное желание сменить коллектив ($p < 0,05$).

Примечательно, что на вопрос: «Если бы у Вас были достаточные материальные средства и свободное время для получения второго высшего образования,

продолжили бы Вы свое обучение?» — 94,6 % женщин контрольной группы ответили утвердительно, однако получение второго высшего образования в ближайшие несколько лет в их планы не входит. В качестве основных причин невозможности обучаться в данный момент они называют отсутствие денег и свободного времени. Причем большая часть контрольной группы оценивает свое материальное положение выше, чем респонденты экспериментальной. По нашему мнению, это может говорить о том, что женщины контрольной группы в действительности не планируют продолжать свое обучение. Таким образом, материальный фактор мы не можем считать решающим в принятии решения о получении дополнительного образования.

Среди сфер, в которых женщина планирует реализоваться, и в той и в другой группе на первом месте семья, что вполне характерно для женщины. На втором месте у получающих дополнительное высшее образование профессиональные знания, тогда как у других обладательниц единственного высшего образования — дружеские отношения ($p < 0,05$).

Причем замужние женщины и женщины с детьми реже стремятся реализоваться в сфере дружеских отношений ($r = 0,258$, $p \leq 0,01$), т. к. родственники компенсируют дефицит общения. Других различий, связанных с семейным положением, по данному вопросу не обнаружено.

В целом женщины экспериментальной и контрольной группы по-разному ранжируют сферы самореализации (средние показатели представлены в таблице).

Рейтинг сфер самореализации женщин*

Получающие дополнительное высшее образование		Получающие первое высшее образование	
Семейные отношения	3,07	Семейные отношения	2,47
Профессиональные знания	6,34	Дружеские отношения	5,44
Здоровье	6,77	Здоровье	6,05
Профессиональные отношения	7,00	Отношение к себе	7,19
Дружеские отношения	7,06	Профессиональные знания	7,26
Отношение к себе	7,26	Профессиональные отношения	7,58
Сексуальная сфера	7,42	Внешний облик	7,72
Отношения, связанные с материальным уровнем и собственностью	8,19	Сексуальная сфера	8,00
Социальный статус	8,63	Отношения, связанные с материальным уровнем и собственностью	8,47
Отношения с другими людьми	9,20	Социальный статус	8,84
Внешний облик	9,21	Отношения с другими людьми	9,20
Творческие достижения	9,54	Творческие достижения	9,77
Нравственные отношения	10,00	Нравственные отношения	10,72
Знания о мире	10,86	Знания о мире	11,44
Мирозерцание и религия	12,15	Мирозерцание и религия	12,49
Отношение со стороны государства	12,35	Отношение со стороны государства	13,30

* Чем ниже показатель среднего значения, тем важнее данная сфера для респондентов.

Таким образом, помимо общепринятых ценностей (семья и здоровье), женщины, продолжающие свое обучение, высоко оценивают профессиональную сферу (профессиональные знания и отношения).

Анализ половых различий показал: мужчины, в отличие от женщин, в большей степени стремятся реализоваться в сфере «знания о мире» ($r = -0,244$, $p \leq 0,01$).

По результатам анкеты, наиболее популярным мотивом получения дополнительного высшего образования является смена профессии. Причем для женщин указанный мотив более актуален, чем для мужчин ($p < 0,01$), т. е. мы можем предположить, что женщины, получая первое высшее образование, больше ориентируются на социальный статус, нежели на свои интересы, в сравнении с мужчинами.

Женщины, получающие дополнительное образование, причинами получения первого реже указывают желание улучшить материальное положение, нежели мужчины ($p < 0,05$) и женщины, имеющие одно образование ($p < 0,05$).

В процессе применения опросника изучения мотивов учебной деятельности гендерные различия обнаружились в связи с такими мотивами, как «не запускать предметы учебного цикла» и «получить диплом» ($p < 0,05$), которые более характерны для женского пола.

С женщинами контрольной группы расхождений гораздо больше: им более свойственны мотивы получения стипендии ($p < 0,01$), мотивы социального одобрения («учиться отлично», «не отставать от сокурсников», «быть примером сокурсникам», «добиться одобрения родителей и окружающих», «избежать осуждения и наказания за плохую учебу» (соответственно $p < 0,05$; $p < 0,01$; $p < 0,05$; $p < 0,01$; $p < 0,01$).

Эти факты можно интерпретировать так, что женщины, получившие одно образование, были ориентированы только на социальное одобрение и на давление социума.

Женщины, получающие дополнительное высшее образование, выше оценивают такие мотивы, как приобретение знаний и овладение профессией ($p < 0,05$). Кроме того, последний чаще встречается у женщин, имеющих детей ($r = 0,206$, $p \leq 0,01$).

Таким образом, при получении первого высшего образования для женщин важнее мотивы социального признания, тогда как к решению о получении второго образования подключаются дополнительные мотивы: получение знаний, конкретная профессия и диплом по интересующей специальности.

Для изучения более глубинных характеристик личности мы применили методику FPI [5]. Она показала достаточно явные различия в психологии мужчины и женщины, получающих второе высшее образование. Женщины в среднем набрали большее количество баллов по шкалам «невротичность», «депрессивность», «застенчивость» и «эмоциональная лабильность» ($p < 0,001$). По нашему мнению, в первую очередь это связано с большей чувствительностью нервной системы женщины.

У мужчин же более выражены «спонтанная агрессивность», «реактивная агрессивность» и «маскулинность» (соответственно $p < 0,05$; $p < 0,05$; $p < 0,01$),

что вполне соответствует образу мужчины, который сформировался в общественном сознании.

Гораздо больше нас интересовали различия с женской половиной контрольной группы. Оказалось, что женщины, получившие только одну профессию, являются более раздражительными ($p < 0,05$), агрессивными ($p < 0,01$), у них выше результаты по шкалам «маскулинность» и «экстраверсия» ($p < 0,001$).

Возможно, женщины контрольной группы не чувствуют достаточной реализованности собственной личности и демонстрируют защитные реакции, в основном в сфере межличностных отношений.

Для проверки нашего предположения мы провели корреляционный анализ, который показал, что женщины, имеющие собственную семью и детей, т. е. реализовавшие свое женское предназначение, менее агрессивны и экстравертированы ($r = 0,213$ и $0,216$ соответственно, $p \leq 0,01$). Раздражительность же в первую очередь связана с молодым возрастом и, как следствие этого, с недостаточной самореализованностью ($r = -0,169$, $p \leq 0,05$).

Кроме того, чем выше уровень образования женщины, тем ниже показатели агрессивности, депрессивности и экстраверсии (соответственно $r = -0,244$, $p \leq 0,01$; $r = -0,144$ и $r = -0,147$, $p \leq 0,05$).

Таким образом, мы видим, что реализация женщины в различных сферах, в первую очередь в семейной и образовательной, делает ее «психологический портрет» более благоприятным.

Обнаруженные нами закономерности приводят к следующим выводам:

1) при получении первого высшего образования для женщин менее значим мотив улучшения материального достатка, нежели для мужчин;

2) женщины, получающие дополнительное высшее образование, более чувствительны и менее агрессивны по своим психологическим характеристикам, нежели мужчины;

3) женщины, получающие дополнительное высшее образование, в большей степени ориентированы, помимо семейных отношений, на самореализацию в профессиональной сфере, по сравнению с женщинами, получающими только одно высшее образование;

4) поведение женщин, получающих первое высшее образование, существенно детерминировано мотивацией социального одобрения;

5) ведущим мотивом продолжения образовательного процесса для женщин выступает смена профессии, тогда как социальные мотивы уходят на задний план;

6) наличие собственной семьи у женщин делает более актуальными мотивы овладения профессией;

7) по сравнению с женщинами с единственным высшим образованием, женщины, продолжающие свое обучение, менее агрессивны, раздражительны, реже испытывают депрессивные состояния и менее экстравертированы.

Резюмируя, можно отметить, что продолжение образования, развитие профессиональной компетентности являются важными и благоприятными путями самореализации женщины в современном обществе.

Библиографический список

1. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2003. 512 с. (Мастера психологии).
2. *Макарова С. Н.* Гендерные особенности профессиональной подготовки студентов к трудовой деятельности // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 2. С. 69—78.
3. *Попова И. П.* Образование в жизненных стратегиях женщин с детьми // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 1. С. 51—61.
4. *Птицына Н. А., Зубарева Л. В.* Гендерные аспекты аддиктивного поведения в студенческой среде // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 2. С. 80—92.
5. *Рогов Е. И.* Настольная книга практического психолога. М. : ВЛАДОС, 1999. Кн. 1. 384 с.
6. *Тукачева Ю. С.* Гендерный подход к развитию личности в сфере образования // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 4. С. 59—66.
7. *Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 76.024.712.25

О. А. Симонова

ЖЕНСКИЕ ЖУРНАЛЫ В НАЧАЛЕ XX в.: КРИТИКА, РЕЦЕПЦИЯ, ПОЛЕМИКА

Женские журналы отличало их особое положение в печатном мире. Сам факт существования специальных изданий для женщин подтверждал необходимость адаптации материала для женской аудитории (как для детей, для народа) [15, с. 16; 17, с. 144], т. е. их неспособность читать «общие» издания¹. Избавившись от оценочности, можно отметить и другой аспект необходимости издания подобных журналов — наличие у женщин специфических общих интересов, непонятных и неблизких противоположному полу.

Как полагает Э. Сюллеро, «женщины требуют от женского журнала не только набора специфических советов, помогающих им жить в современном мире, но и репрезентации норм группы, к которой они себя причисляют» [30, р. 214]. Женские издания описывают модель поведения и конкретные действия женщины, помогающие ей осуществить какую-либо роль в реальной жизненной практике. Возникает зависимость читательницы от женских образов, транслируемых прессой. А. В. Жукова отмечает: «Важно помнить, что мнение женщин об их роли в обществе зависит во многом от того, каким создается их образ в прессе» [16, с. 17]. Определенный тип женского журнала соответствует предполагаемой роли женщины в семье и обществе или объединяет сразу несколько ролей. Возникает взаимозависимость: журнал формирует тип женщины, но и женщины, выбирая какую-либо жизненную роль, ищут «свое» периодическое издание.

В конце XIX — начале XX в. женская пресса, как и остальная периодика, стала подразделяться на массовую и специальную. «Ко второй группе относились все издания для женщин, специализировавшиеся на проблемах феминизма» [26, с. 49—50]. На массового читателя ориентировались модные, или дамские, журналы (именно эти определения наиболее часто встречаются в названиях подобных российских изданий), освещавшие вопросы практиче-

© Симонова О. А., 2015

¹ Ср. с восприятием женской периодики советской властью: «Специальные печатные органы отделов работниц рассчитывают, главным образом, на менее развитую часть работниц и крестьянок, для которых общая пресса слишком трудна» [20, с. 99].

ской жизни² женщины. Полярными по отношению к ним являлись феминистские журналы, в которых практическая составляющая полностью отсутствовала³.

Между двумя этими полюсами женской периодики располагались журналы, обращавшиеся к «женскому вопросу», но сумевшие при этом стать популярными у женской аудитории. Эти издания манифестировали свое промежуточное положение в мире женской прессы, не примыкая ни к легковесным модным, ни к серьезным феминистским изданиям и отмежевываясь от тех и других. Тем самым подчеркивалась особость и уникальность такого типа издания. Так, редакция «Женского дела» (1910—1917 гг.) пишет: «До выхода “Женского дела” в России знали два типа женских журналов: журналы мод, посвященные узким интересам портновского искусства, и представленный в единственном числе сухой догматический “Женский вестник”. Эти различные журналы не имели широкого распространения. Пропаганда феминизма ограничилась узким кругом читателей, а общие журналы совершенно не ставили перед собой ни общественных, ни политических задач» [19]. Задача редактора «Женского дела» состояла соответственно в том, чтобы объединить задачи этих изданий — «создать такой журнал, который явился бы необходимым в женском обиходе и будил бы в женщине стремление к лучшему будущему» [19].

Женские журналы могли позволить себе полемику только в своем кругу, с другими подобными изданиями. Журналы, занимавшие промежуточное положение, критиковали феминистские издания. Журналистка М. Каллаш писала в «Женском деле»: «Женское движение, всколыхнувшееся было после 1905 года, создало временно очень убогий феминистический листок “Союз женщин”. Он искусственно продержался при “Союзе равноправия” и заглох. Об этом издании, правда, жалеть не приходится» [12, с. 4].

Показательно, что критика феминистских изданий чаще носит не идеологический характер, а строится на впечатлении от внешнего оформления этих журналов, на обвинении в отсутствии развлекательного элемента, небольшой читательской аудитории («сухой... “Женский вестник”», «убогий феминистический листок “Союз женщин”», «узкий круг читателей»). Таким образом, «Женское дело» указывает на необходимость «правильной» подачи материала, ориентированной на читателей, что и пыталось осуществить это издание, сочетая освещение общественных вопросов со статьями по ведению домашнего хозяйства и богатым иллюстративным материалом.

Журналы одного направления также полемизировали между собой. «Союз женщин» (1907—1909 гг., редактор М. А. Чехова), созданный по решению Третьего делегатского съезда Союза равноправия женщин, и «Женский вестник» (1904—1917 гг., редактор М. И. Покровская), бывший глашатаем Женской прогрессивной партии, по-разному понимали сущность феминизма: «Статьи в “Союзе женщин” акцентировали экономические аспекты женской эксплуатации;

² Выражение «практическая жизнь» употребляется журналистами женских изданий применительно к сферам домашней, семейной, хозяйственной и светской жизни женщины. В том же значении оно используется в нашей работе.

³ Подробнее о феминистской периодике см.: [28, с. 246—255].

“Женский вестник” подчеркивал первостепенность гендерно-обусловленного угнетения» [29, р. 181]. Придерживаясь разных направлений женского движения, журналы критиковали публикации друг друга.

Противостояние между дамскими изданиями основывалось не на идеологической, а на коммерческой почве. Очень популярным у читательниц был «Журнал для хозяек» (1912—1926 гг.), достигший к концу 1912 г. тиража в 50 тыс. экземпляров, а в 1917 г. — уже 185 тыс. Это был ошеломляющий успех, если принять во внимание тот факт, что больший период издания журнала пришелся на военное время, когда доходы населения снизились, а цены на журнал выросли (стоивший в 1912 г. 30 коп.⁴, к 1917 г. журнал подорожал в пять раз) [24, с. 2].

Редакция этого издания обвинила в заимствовании появившийся в 1914 г. «Журнал для женщин»: «Всякий успех, естественно, вызывает подражание. Успех нашего журнала также вызвал много попыток к этому. <...> [“Журнал для женщин”] совершенно точно скопировал все наши отделы, шрифты, заголовки и пр. и даже в параллель с “игрушечной маркизой” дал “принцессу Грезу”» [10, с. 24].

Редактором нового издания являлся Х. Т. Цветков, директор еженедельного литературно-художественного иллюстрированного журнала «Жизнь» (1912—1914 гг.), впоследствии понявший прибыльность женских журналов и ставший самым сильным конкурентом редактора «Журнала для хозяек» А. В. Лобанова⁵. В связи с появлением журнала-близнеца, «Журнал для хозяек» вынужден был подчеркнуть, что никоим образом с ним не связан, и предостеречь подписчиц от возможной путаницы.

Но простым подражанием дело не ограничилось. В следующем году был возбужден процесс по делу некоего Кузьмина, сотрудника «Журнала для хозяек», обвинявшегося в присвоении денег издательства. Помимо кражи денег, этот сотрудник хотел украсть адреса подписчиков, чтобы впоследствии продать их фирме «Акционерное общество “Анонс”», издававшей «Журнал для женщин». Однако его затея потерпела неудачу, журналист Калинин, которому он предложил принять участие в деле, отказался и доложил об этом редакции, что повлекло за собой раскрытие преступления [8].

Успешность «Журнала для хозяек» подтверждается тем, что новые издания в оформлении и подаче материала ориентировались именно на него. В 1917 г. в Петрограде появляется «Новый журнал для хозяек» (вышло четыре номера). Издает его Н. Ардашев, бывший активный сотрудник «Журнала для хозяек» и «Женской жизни». Программа издания написана Ардашевым, и ее стиль показывает, что программные статьи в «Журнале для хозяек» и «Женской жизни» писал именно он. Журнал полностью повторяет структуру своего

⁴ На первых страницах номеров журнала за 1912 г. указана цена — 10 коп. по Москве.

⁵ В 1920-х гг. из всех дореволюционных женских изданий продолжили свою деятельность только «Журнал для хозяек» (1922—1926 гг.) и «Журнал для женщин» (1922—1926 гг.). Кроме того, издатели этих журналов выпускали: А. В. Лобанов — ежемесячный журнал «Новости моды» (1922—1926 гг.), Х. Т. Цветков — журналы «Вестник моды» (1922—1926 гг.) и «Последние моды» (1910—1929 гг.).

прототипа, даже шрифт названия такой же, а слово «новый» написано сбоку, что вводит читателя в заблуждение. На первой странице первого номера помещен портрет популярной в женских журналах писательницы А. Мар. Она изображена в своем любимом амплуа кающейся католички: в черных одеждах, тянувшей к свету сложенные в молитве руки.

Подобные журналы характерны для 1910-х гг., они знаменовали изменения в традиционном типе дамского издания. Феминистские журналы 1900-х гг. изменили читательское представление о том, каким может быть журнал для женщин. Издатели пытались учитывать эти изменения. Дамский журнал получает новый облик: ранее включавший беллетристику и отдел мод, теперь он ориентируется на более широкие круги читательниц и, отвечая веяниям своего времени, открывает публицистический раздел.

О доходности литературы для женщин свидетельствуют появляющиеся в эти годы многочисленные коммерческие издания: «Женщина» (Санкт-Петербург, 1907—1909 гг., 1913—1916 гг., изд. С. З. Богельман, ред. с 1913 г. И. А. Богельман), «Женщина и хозяйка» (Москва, 1916—1917 гг., ред.-изд. А. А. Брызгалина-Амелина), «Хозяйка» (Петроград, 1916 г., № 1—8, ред.-изд. И. А. Богельман). О такой массовой периодике вспоминал писатель Н. Карпов: «Богельман (Исаак Абрамович. — О. С.) издавал десяток уличных журнальчиков — “Двадцатый век”, “Стрекозу”, “Всемирный юмор”, “Журнал-фарс”, “Женщину” и др. Журналы распространялись исключительно в розницу в железнодорожных киосках, где их покупали в погоне за легким чтивом пассажиры. Эти издания приносили Богельману огромный доход» [18]. Востребованность женской периодики свидетельствовала об осознании женщинами своих интересов, женщины начинали организовываться вокруг периодического издания.

Обратной стороной медали было то, что женские издания существовали в замкнутом пространстве. Им была свойственна сосредоточенность на себе. Они писали о конкурентах, о своей деятельности. Прообразами героинь рассказов, помещаемых в женских журналах, часто были героини статей публицистических отделов. Рефлексия над женским журналом в художественной форме встречается на его же страницах. Так, в рассказе М. И. Покровской муж героини, покинувшей семью, счел виновником несчастья журнал, посвященный женскому вопросу: «Ему почему-то вспомнилось, как в средние века сжигали ведьм. Женский журнал и брошюры казались ему написанными сатаной и пропитанными нечистой силой, потому над его женой они власть приобрели» [22, с. 267]. Он рвет и сжигает издания.

Ведущий автор женских журналов Л. И. Гумилевский в рассказе «Светлый путь» так представлял их читателя и содержание: «Анастасия Павловна читала новые журналы, с особенным вниманием, даже легким волнением останавливаясь на “женских”, точно они особенно близко касались именно ее. <...> Кто-то звал женщин на курсы, кто-то вычурно рассказывал о красивой жизни, кто-то заклинал отречься от любви и женственности, кто-то, наоборот, призывал любить мгновениями, ярко и красиво» [13, с. 90].

Таким образом, в женских изданиях создавалась атмосфера, близкая и понятная читательницам, но не принимаемая сторонними наблюдателями. Мнения современников представляют для нас особый интерес, поскольку

позволяют восстановить реальную историческую ситуацию функционирования женской прессы. Часто женская периодика порождала недоверие и скептическое отношение к себе. Важно подчеркнуть, что общественное восприятие женской периодики (формируемое в основном мужчинами) никогда не было серьезным. Мужские издания либо игнорировали ее, либо безапелляционно критиковали. «Много смеются над женскими журналами, — писала позднее М. Цветаева. — Мне они — милее мужских, с их политической грызней и сплетнями» [27, с. 121].

Мужские издания относились к женским журналам критично, выискивая несоответствия в концепциях редакции и отдельных авторов. Женские журналы не инициировали критику неженских изданий, позволяя себе только отвечать на их выпады, принимая позицию провинившихся, вынужденных оправдываться реципиентов.

Женские издания регулярно подвергались критике на страницах «Журнала журналов». Подборки материалов, как правило без подписи, помещались под общим названием: «Фабрика пошлости», «Дамская чепуха», «Дамское рукоделье», «Женская чепуха». В названиях этих рубрик сквозит гендерно-ориентированная оценочность, поэтому часто нейтральное обобщающее слово «женщина» заменяется ограничивающей характеристикой «дама», вызывающей в сознании образ представительницы высшего света. Женские произведения не понимаются критикой как творчество в духовном смысле этого понятия, а соотносятся с творениями традиционно женского ручного труда: мотив рукоделия — «мотив доместицированной женственности, несвободы и ограниченности» [23, с. 275].

Критику вызывало практически все содержание женских изданий: «Когда прочитаешь эти женские журналы — как будто бы вареньем вымазался, до того все эти стихи и проза, философичность и афоризмы клейки и неотмывчивы. Пошлость, бьющая искрометным фонтаном...

Почему серьезные издания, посвященные женскому вопросу, прячутся где-то по углам, а на виду, на людях, только и заявляют о себе все эти многочисленные фабрики пошлости, украшенные крикливыми плакатами — “Для женщин”» [11, с. 11].

Здесь возникает еще одно ограничение на женское словесное самовыражение: «крикливость» имплицитно противопоставляется молчаливой незаметности женщины в культуре. Парадоксально, но одни оказываются недостойными из-за того, что кричат, а другие — из-за того, что не кричат о себе. Вроде бы положительно воспринимаемые критиком «серьезные издания» как раз и остаются для него неприметными, недостойными обсуждения, да еще и обвиняются в этой незаметности. Поэтому феминистские издания не попадают в поле зрения мужской критики.

«Журнал для хозяек» ответил на критический выпад, указав на необходимость правильного распределения обязанностей: как не следует насыщать практические статьи идеологией, так и юмористу А. Бухову не следовало бы выступать «в совершенно не подходящей ему роли проповедника»: «Оказывается... Аркадий Бухов обвинил наш журнал в пошлости и разлился рекою “граждан-

ской скорби” только потому, что в гигиенической статье “Об уходе за ушами” он не нашел ничего “соответствующего переживаемому моменту”» [1, с. 24].

Мужская критика иронически относилась к отсутствию общей тематики, синтетическому составу большинства женских изданий: «Чем хороши женские журналы, так это широтой мировоззрения.

Средство от отрыжки и — воинствующий феминизм, модная модель и — восстание против мужчины, косметические и кулинарные советы и — новая мораль.

Разнообразия воистину не оберешься» [9, с. 11].

В качестве примера приводился «Журнал для хозяек».

Но статьи на все случаи жизни привлекали читательниц, универсальность и многосторонность материалов журналов способствовали росту тиражей.

С сомнением и изрядной долей юмора относились в «Журнале журналов» к женщинам-писательницам. По поводу одной из статей «Журнала для хозяек» анонимный автор пишет: «Как жаль, что “женщины с изюминкой”, редактирующие такие журналы, не истратят свою изюминку на приготовление честного кваса, вместо крикливой и шумной дамской литературы» [3, с. 15]. В очередной раз транслируются патриархатные представления о месте женщины: накладывается ограничение на женское творчество, ей запрещается говорить, она призывается к традиционному занятию — приготовлению пищи.

Образ новой женщины, создаваемый беллетристикой женских изданий, подвергается разгрому. Героиня рассказа Ю. Хабарова «Рабы», влюбившись, изменяет мужу и очень страдает из-за этого. «“Ну скажите, — умничает героиня, — какая же разница тогда между всякой распущенной, развратной женщиной и мной?.. Какая?..» «По чистой совести, сударыня, никакой нет разницы. Ни малейшей», — отвечает «Журнал журналов» [7, с. 16].

Подвергается сомнению феминистичность идей, озвучиваемых женской периодикой. «Орган специально моралистический и возрастающий на защиту правды и справедливости — “Женская жизнь”» [2], по мнению оппонентов, полон противоречий. Борющаяся за доступ представительниц прекрасного пола ко всем профессиям, «“Женская жизнь” очень недовольна допущением женщин на фабрики и заводы, обслуживающие нужды армии: «“Не женское дело сеять смерть, содействовать пролитию крови; последнее — печальная привилегия мужчин”».

Это удивительно, но когда дело касается необходимости *работать*, тогда и самые ярые феминистки охотно передают эти привилегии мужчине» [4, с. 8].

Особого порицания заслуживает отношение журналисток издания к мужчинам. При этом критики воспроизводят стереотипный образ модной барышни, не заботясь о его сходстве с реальными авторами журнала: «“Женская жизнь”, не щадя живота и прически, — пылко борется с мужским засильем. <...> Но на радость феминисток из модного журнала счета жен оплачивают, как известно, все-таки мужья» [5, с. 14]. Показательно, что в этой критической статье соединились две характеристики «Женской жизни» — модный журнал и авторы феминистской ориентации: артикулируется промежуточная природа этого издания, сочетающего в себе традиционный и прогрессивный элементы. Но оче-

видно, что критики такие типологические тонкости не осознавали, они озвучивали свои негативные представления о женщинах всем скопом.

Откровенно мизогинические выпады мужских изданий дают возможность судить о степени потрясения патриархальных основ общества женскими журналами: «“Новый курс” правдивости у женских журналов — вещь чудесная, но пока...

Пока надо быть снисходительными к старику Шопенгауэру, который в свое время, как известно, обмолвился следующим, не лишенным грации, афоризмом:

— Женщины — это розовые бесхвостые обезьяны. Их надо бить, хорошо кормить и запирать...

Для женщины вообще — это, конечно, слишком сильно. Но для той женщины, которой служат дамские журналы, — это, право же, слишком слабо. Не знал старик Шопенгауэр нынешней героини» [6, с. 12].

Особую иронию вызывает наличие во многих женских журналах фигуры многоопытной писательницы-советчицы, отвечающей со страниц издания на письма читательниц. На взгляд критиков, это умелый рекламный ход, способствующий привлечению подписчиков. В шутовском «Руководстве к ужению подписчика (в наших пресных водах)» отдельный пункт посвящен женским журналам: «“Интимные советы”, выкройки и крем “Банзай”. Эти приманки с полным успехом применяются женскими журналами. Особенно хорошо клюет подписчица на интимные советы. Последнюю приманку следует также рекомендовать как самую доступную и не требующую особенных затрат, так как отделом интимных советов в дамских журналах обыкновенно заведует редакционный сторож Михеич, снабжаемый для этой цели каким-нибудь аристократическим женским псевдонимом вроде “Игрушечной маркизы”, “Принцессы Грезы” и т. п.» [25, с. 4].

Представление о том, что роль писательницы-советчицы зачастую исполняет мужчина, типично. В шутовском стихотворении Дедала⁶ «День маркизы (в “женском журнале”» описывается работа писательницы, дающей советы читательницам; в конце текста обнаруживается, что это мужчина [14, с. 15]. Очередное упоминание о том, что ведущим рубрики интимных советов был мужчина, встречается у писателя Н. Карпова, передающего рассказ своего друга, журналиста Е. Сно: «Переписку с читательницами в журнале “Женщина” вел тот же Сно. Он сочинял письма от имени несуществующих поклонниц журнала и отвечал на эти письма. Подписывал он свои ответы каким-то артистическим псевдонимом, в подражание популярной “Игрушечной маркизе”, подвизавшейся на этом поприще в другом журнале. В таких вещах Сно имел опыт, так как раньше ему приходилось работать в каком-то питерском женском журнале, где другой журналист, его приятель, вел переписку с читательницами,

⁶ В «Женской жизни» этим псевдонимом подписано несколько стихотворений и фельетонов. Вполне возможно, что это тот же автор, что и в «Журнале журналов» (А. А. Вейнберг), тогда он наверняка был должен знать пол писателя-советчика в издании, где он публикуется.

избрав себе поэтический псевдоним «Ночная фиалка»⁷ [18]. Таинственной Ночной фиалкой оказался «лысый, с неряшливой щетинистой бородой, растрепанный субъект в грязной нижней сорочке» [18].

Известно также, что после смерти Анны Мар в марте 1917 г. рубрику «Интимные беседы» в «Журнале для женщин» вел А. М. Громов.

Однако читательницы журналов были вполне реальные, в архивах сохранились их письма, свидетельствующие о существовании в женских изданиях обратной связи [21].

Итак, мы видим, что хотя женские журналы и были многочисленны, но они не выступали единым фронтом, конфликтовали между собой. При этом преимущественно полемизировали однотипные издания: феминистские — по политическим вопросам, дамские — по коммерческим. Таким образом разоблачалась суть их противостояния: борьба за читателя, стремление унижить конкурента и утвердить свое приоритетное положение. Сознательная замкнутость женских изданий в своем кругу способствовала их маргинализации, не-вхождению в мир общей периодики. Мужскими изданиями они воспринимались как единое целое, без выяснения типологических особенностей дамских или феминистских журналов. Женские журналы критиковались за несоответствие типичным представлениям о том, каким должен быть тематически ориентированный журнал. Их содержание непременно оказывалось шире и многостороннее. Создаваемые ими женские образы уязвляли патриархатную критику своей раскрепощенностью и несоответствием стереотипам женственности.

Библиографический список

1. *Анчар*. А судьи кто? : (ответ Аркадию Бухову на его статью «Фабрика пошлости») // Журнал для хозяек. 1915. № 11. С. 24.
2. [Б. а.]. «Женская жизнь» // Журнал журналов. 1915. № 3. С. 11.
3. [Б. а.]. «Женщины с изюминкой» // Журнал журналов. 1915. № 7. С. 15.
4. [Б. а.]. Божественные цыпки // Журнал журналов. 1915. № 29. С. 8.
5. [Б. а.]. На кошкин счет // Журнал журналов. 1915. № 13. С. 14.
6. [Б. а.]. Переоценка ценностей // Журнал журналов. 1915. № 31. С. 12.
7. [Б. а.]. Поиски женской души // Журнал журналов. 1915. № 27. С. 16.
8. [Б. а.]. Цель оправдывает средства : (судебная хроника) // Журнал для хозяек. 1915. № 16. С. 29.
9. [Б. а.]. Чего хочешь, того просишь // Журнал журналов. 1915. № 14. С. 11.
10. [Б. а.]. «Pro domo sua» // Журнал для хозяек. 1914. № 4. С. 24.
11. *Бухов А.* Фабрика пошлости : (женские журналы) // Журнал журналов. 1915. № 3. С. 11.
12. *Гаррис М. [Каллаш М.]*. Памяти Л. М. Родионова // Женское дело. 1915. № 21. С. 4—5.
13. *Гумилевский Л. И.* Рассказы из современной войны. Саратов : А. М. Нищенков, 1915. 94 с.

⁷ В журнале «Женщина» советчица подписывалась псевдонимом «Продавщица фиалок».

14. *Дедал*. День маркизы : (в «женском журнале») // Журнал журналов. 1916. № 7. С. 15.
15. *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ : становление жанра. СПб. : СПбГУ, 1995. 256 с.
16. *Жукова А. В.* Женская пресса как фактор социализации личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 18 с.
17. *Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830—1870-х годов. М. : МАКС Пресс, 2005. 204 с.
18. *Карпов Н. А.* В литературном болоте. URL: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/001200.php (дата обращения: 11.02.2015).
19. Л. М. Родионов / редакция // Женское дело. 1915. № 21. С. 2.
20. Печать : (из резолюций и постановлений V Всесоюзного совещания при ЦК РКП(б) заведующих женотделами) (24 января — 2 февраля 1924 г.) // О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении : сборник документов и материалов. М. : Мысль, 1972.
21. Письма в редакцию журнала «Женское дело» // Отдел рукописей РГБ. Ф. 386 (В. Я. Брюсов). Картон 83. Д. 25 ; Картон 147. Д. 37, 40 ; Картон 148. Д. 66, 67 ; Картон 150. Д. 44, 67 ; Картон 156. Д. 23.
22. *Покровская М. И.* За женские права : необычайное происшествие : антифеминист // Женский вестник. 1914. № 12. С. 265—267.
23. *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и зазеркалем : автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 416 с.
24. Скромный юбилей / редакция // Журнал для хозяек. 1926. № 1. С. 2.
25. *Слицан О.* Руководство к ужению подписчика : (в наших пресных водах) // Журнал журналов. 1916. № 36. С. 4.
26. *Смеюха В. В.* Отечественные женские журналы : историко-типологический аспект. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. 188 с.
27. *Цветаева М. И.* Письмо от 30 сентября 1929 г. // Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой. Болшево : Мемориальный дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008. С. 118—123.
28. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.
29. *Ruthchild R. G.* Writing for their rights. Four feminist journalists: Mariia Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariia Pokrovskaiia, and Ariadna Tyrkova // An Improper Profession : Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / ed. by B. T. Norton, J. M. Gheith. Durham ; London : Duke University Press, 2001. P. 167—195.
30. *Sullerot E.* La presse féminine. Paris : Armand Colin, 1963. 320 p.

ББК 60.546.7

О. В. Красильникова

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НЕМЕЦКИХ МИГРАНТОВ ИЗ БЫВШЕГО СССР КАК ФАКТОР РЕЭМИГРАЦИИ (Гендерный подход)

Распад Советского Союза породил значительную переселенческую волну в страны дальнего и ближнего зарубежья. Разрыв прежних политико-экономических связей и рост националистических настроений привел в движение различные слои населения. Активными участниками процесса внешней миграции стали этнические переселенцы — «русские немцы» и евреи (контингентные беженцы), получившие квоты от немецкого государства. Помимо них, Россия ежегодно теряла тысячи высококвалифицированных специалистов, которые переезжали для работы за границу. Кризисное состояние экономики РФ и несимметричная в половом отношении структура общества способствовали выезду «русских невест».

В течение 15 лет эти перемещения практически не регулировались со стороны Российского государства, но в 2006 г. по инициативе В. В. Путина была разработана программа содействия добровольному переселению в РФ бывших граждан СССР, проживающих за рубежом. В рамках программы, которая ныне стала бессрочной, поставлена задача: компенсировать демографические и интеллектуальные потери путем привлечения переселенцев, владеющих русским языком и воспитанных в традициях российской культуры [11].

Сегодня в РФ сложилась уникальная ситуация: страна по-прежнему находится в первой пятерке миграционных доноров, но одновременно занимает одно из ведущих мест среди государств-реципиентов. Например, в 2012 г. в Германию из России убыл 3781 человек, в то же время обратно — из Германии в Россию — прибыли 4239 человек [13].

Вполне очевидно, что Германия может стать для России одним из источников обратной миграции, поэтому государство заинтересовано в получении наиболее полной и достоверной информации о «социально-политическом и экономическом положении, миграционных настроениях и потенциале» [8] бывших соотечественников.

Миграционная политика ФРГ в последнее время претерпела значительные изменения. Если в 90-х гг. XX в. основную долю мигрантов — 43 % ей «поставляли» бывшие республики Советского Союза [16], то начиная с 2000 г. число регистрируемых мигрантов из бывшего СССР стало уменьшаться. «Спад эмиграции выразился в резком сокращении выезда в Германию, которая фактически свернула программу возвращения немцев из стран СНГ. Эмиграция евреев из России практически прекратилась не только в Израиль,

но и в Германию и США... на долю немцев и евреев вместе пришлось всего 13 % выехавших» [9, с. 232—233].

Нынешние европейские проблемы и масштабные социально-экономические подвижки в РФ серьезно повлияли на миграционное движение. Переселенческие потоки изменились не только количественно, но и качественно. Германия стала ориентироваться на внутренние резервы Евросоюза, наполняя рынок рабочей силы за счет бывших республик Югославии, Румынии и Болгарии [12].

Таким образом, массовая миграция из стран бывшего СССР в Германию завершилась. Выезд поздних немецких переселенцев и контингентных беженцев еврейского происхождения минимизировался. При этом сохраняется трудовая и женская миграция (удельный вес женщин-иммигранток среди выходцев из РФ в Германии составлял в 2010 г. 62,7 %) [17, с. 160], которая касается в первую очередь «коренных русских»¹. Однако нельзя не заметить участвовавшие случаи возвращения мигрантов на родину для постоянного или временного проживания.

Несмотря на высокий индекс интегрированности русскоязычных мигрантов по сравнению с другими немецкими мигрантами, среди них все же существует определенный потенциал реэмигрантов. По данным экспертов, около 40 % еврейских иммигрантов из бывшего СССР в Германии не имеют работы (в Израиле — 10 %, что примерно соответствует общему уровню безработицы в этой стране, а вот в США у русскоязычных евреев практически полная занятость, без работы только 3 %) [15]. Наряду с естественными трудностями адаптация переселенцев из бывшего СССР осложнена наличием у некоторых из них неадекватных установок. Например, одни считают, что государство им обязано, потому что они вернулись на историческую родину [18]; другие думают, что немцы перед ними в неоплатном долгу [2]; третьи убеждены, что они осчастливили Европу своим присутствием. Как пишет О. Маховская, «у женщин из России развился комплекс “исключительной красоты”, ядром самооценки современной россиянки становится представление о ее неземной, исключительной красоте, обаянии, сексапильности и женском шарме» [6]. Все это приводит к завышенным ожиданиям и в конечном счете мешает приспособлению к новой среде.

В целом миграционные процессы в гендерном аспекте изучаются в РФ около двадцати лет. Им посвящали свои научные изыскания Н. Г. Абдуразакова, И. Б. Бритвина, Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская, Л. Б. Карачурина, М. Г. Котовская, О. И. Маховская, Н. В. Мкртчян, Д. В. Полетаев, Е. В. Тюрюканова, Ю. Ф. Флоринская и другие. При этом с позиции гендерного подхода способы адаптации немецких мигрантов были исследованы недостаточно [1, 4, 10]. Такая ситуация сложилась потому, что в стране долгое время отсутствовал социальный заказ на подобные работы. Новые государственные задачи и потребности повысили интерес и внимание к судьбам бывших соотечественников.

Цель данной работы состоит в проведении гендерного анализа проблем адаптации мигрантов из республик бывшего СССР, который бы позволил

¹ По данным на 31.12.2011 г., в ФРГ проживало 195 310 российских граждан, в том числе 73 786 мужчин и 121 524 женщины [16], из которых состоят в браке 112 296 человек. Примерно половина семейных граждан, в основном женщины, имеют немецких супругов [1, с. 226].

выявить потенциал германских реэмигрантов. Методологическая основа исследования — модель аккультурации Дж. Берри [14]. Гендерный анализ включает использование социологических качественных и количественных методов сбора информации.

Приступая к работе, мы поставили следующие вопросы. Какие трудности адаптации испытывают мигранты из бывшего СССР, имеются ли среди них характерные для мужчин и женщин? Что думают сами мигранты об адаптации? Отличаются ли проблемы мигрантов России и Германии?

Нами был проведен интернет-опрос немецких русскоязычных мигрантов (в работе мы их называем просто немецкими или германскими мигрантами). Опрос проводился на базе кафедры гуманитарных наук Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) федерального университета с 08.11.2013 г. по 21.11.2013 г. Были опрошены более 100 респондентов-мигрантов (46 мужчин и 55 женщин), переехавших в ФРГ в период с 90-х гг. XX в. до 2013 г.²

В выборку попали как граждане ФРГ, так и переселенцы, сохранившие прежнее гражданство. На вопросы анкеты ответили мигранты, контактирующие в российской социальной сети «Одноклассники», которая отличается широким диапазоном пользователей разного возраста, русскоязычного сайта «Германия по-русски» (GERMANY.RU), а также родственники и знакомые респондентов, собранные методом «снежного кома»³. Для адекватного представления проблем адаптации русскоязычных мигрантов в ФРГ мы сравнили полученную статистику с результатами исследования российских мигрантов из бывшего СССР. Это позволило увидеть специфику проблем эмигрантов, переехавших в Германию.

По данным нашего опроса, основными мотивами переезда в ФРГ респонденты, независимо от пола, назвали действие притягивающих факторов: желание улучшить в целом жизнь для себя и своей семьи, дать детям максимум возможностей, вступление в брак, воссоединение с родственниками и др. Вытесняющие факторы являлись решающими для незначительного числа опрошенных. Миграция в Германию из стран бывшего СССР носит, преимущественно, добровольный характер, что можно назвать положительным фактором,

² Возраст участников опроса: моложе 30 лет — 11 %, от 30 до 55 лет — 76 %, старше 55 лет — 13 %. Основная масса опрошенных родом из РФ, Казахстана и Украины, а также из Узбекистана, Эстонии, Белоруссии, Киргизии, Латвии, Азербайджана, Молдавии, Таджикистана. Некоторые респонденты переехали первоначально в Италию, США, Нидерланды, Португалию, Францию, Израиль, а потом переселились в Германию. Свыше 3/4 респондентов проживает в Германии более 5 лет. Женщины, преимущественно, городские: около половины приехали из столиц и больших городов; мужчины зачастую из провинции, деревень. Сегодняшнее место жительства опрошенных — это крупные населенные пункты и провинциальные города.

³ В связи с тем, что большинство исследователей обращались к мигрантам, компактно проживающим в лагерях для переселенцев, и на основании их ответов делали выводы, данный социологический замер имеет определенное преимущество. В нашу выборку попали не охваченные программами государственной социальной помощи респонденты, которые в силу различных причин не получали пособий и не учились на языковых курсах.

детерминирующим социальное поведение в период адаптации. Отличительной женской причиной миграции является переезд в связи с вступлением в брак, а мужской — желание профессионально реализоваться.

Среди ученых «нет единства в оценке способности женщин к адаптации в новой стране: одни считают, что в условиях резких перемен женщины более социальны, предприимчивы и успешны. Другие — что женщины, как и дети, составляют наиболее уязвимую часть мигрантов» [7]. По данным исследований, проведенных среди российских вынужденных мигрантов, адаптация женщин происходит заметно быстрее. Например, менее чем за два года, согласно их самоощущению, в России адаптировались всего 22 % мужчин, но 44 % — женщин [3].

Анализ гендерных особенностей адаптации немецких мигрантов показывает, что подобная корреляция прослеживается лишь отчасти. Среди мужчин 12 опрошенных адаптировались в рекордно короткие сроки — от нескольких месяцев до 1 года. За это же время среди женщин сумели адаптироваться лишь 10. Более 2 лет понадобились 35 женщинам и 15 мужчинам. Каждый шестой мужчина (8 опрошенных), прожив в Германии 5 и более лет, так и не смог адаптироваться. Полученные результаты свидетельствуют о том, что мужчины-мигранты демонстрируют низкие и высокие показатели адаптации, женщины — средние (рис. 1).

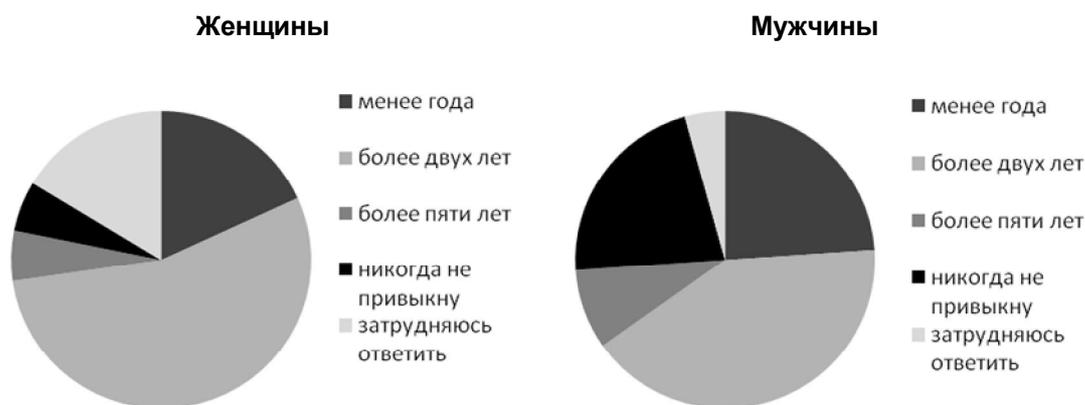

Рис. 1. Сроки адаптации (согласно самоощущению опрошенных)

Мужчины-мигранты в РФ увязывают адаптацию с внешними сторонами жизни, с достижением определенного материального положения, восстановлением прежнего статуса, в то время как женщины мотивированы внутренними факторами: воссоединиться с родственниками, жить в стабильной обстановке, обеспечить будущее детям. В Германии, напротив, мужчины и женщины рассматривают адаптацию в связи с внутренними факторами. По их мнению, адаптироваться — значит эмоционально успокоиться, найти свой круг, обеспечить стабильное будущее своим детям. Лишь у 7 мужчин адаптация ассоциируется с решением материальных проблем, 9 опрошенных видят в ней восстановление социального статуса.

Российские мужчины-иммигранты имеют лучшие материальные показатели, чем женщины, но, безусловно, отстают по этим параметрам от немецких

мигрантов. Даже среди полностью адаптировавшихся респондентов более высокого уровня жизни смогли достичь 34 % мужчин и 23 % женщин (в Германии независимо от пола 68 %). Среди тех, кто еще не адаптировался, такого же уровня жизни добились 21 % мужчин и всего 3 % женщин (немецкие респонденты — 35,7 и 42,8 % соответственно). Кроме того, российские мужчины-мигранты скорее находили работу по специальности, чем женщины: 52 % мужчин и 35 % женщин (в Германии — 41,6 и 38 % соответственно).

В плане адаптации большинство опрошенных немецких мигрантов, независимо от пола, рассчитывали на собственные силы. Примерно равное количество мужчин и женщин отметили, что государственные службы должны помогать мигрантам в адаптации. В России женщины в 2 раза чаще указывали, что надеялись не только на себя, но и на семью, родственников. Те из женщин, которые переезжали в Германию в связи с замужеством, зачастую отвечали, что надеялись исключительно на мужа.

Характерной особенностью миграционного поведения российских женщин-иммигранток было стремление взяться за любую работу, порой без гарантий трудоустройства и при условии достаточно низкой заработной платы. В Германии подобное поведение женщин не является типичным. Там женщины избирательно подходят к поиску нового места работы, получая поддержку государства, подрабатывают «по-черному» и, если позволяет семейная финансовая ситуация, остаются дома.

В зависимости от таких факторов, как семейное положение, социальный статус, ролевая позиция в семье, женщины по-разному выстраивают свое поведение в новой стране. Мужчины-мигранты, переехавшие в Россию, ищут возможность скорее и успешнее добиться утраченного в процессе переезда социального статуса, активно занимаются поиском подходящей высокооплачиваемой работы, восстановлением материального благосостояния.

Женщины в это время мотивированы внутренними обстоятельствами, обусловливающими переезд, стремятся просто найти какую-то работу, чтобы иметь доход и быть рядом с мужем. Мигранты, поселившиеся в России, не могут позволить себе надеяться на государство, годами получать социальную поддержку, медицинское обслуживание в новой стране: им необходимо все это заработать.

Мигранты переезжают в Германию на особых условиях, у большинства из них есть возможность получать пособие по безработице, а это нередко формирует иждивенческие настроения и соответствующее поведение. «Подсев на иглу» социальной помощи, переселенцам трудно, а подчас невозможно с нее сорваться.

Ориентированные на заработки российские мигранты мобильнее немецких. Когда им не удается осуществить свои планы в одном месте, у них возникает ориентация на вторичную миграцию. Они переезжают в другую область, район, как правило, в пределах России. Россияне боятся безработицы гораздо больше, чем жители Германии. Это во многом объясняется крайне низкими социальными гарантиями в связи с потерей работы в России [5, с. 31]. Согласно российским исследованиям, семейные мигранты скорее находят себя на рынке труда и успешнее интегрируются в российское общество. Наличие детей положительно сказывается на адаптации, т. к. мигранты, приезжающие с детьми, включаются в местное общество через детей, школу, дошкольные учреждения, общаясь с учителями и воспитателями, друзьями детей и т. д.

Среди немецких мигрантов, приехавших с детьми, адаптировались полностью или частично 41 мужчина и 45 женщин. Успешность адаптации особенно заметна, когда женщина приезжает с детьми от предыдущих браков. В таком случае она одна ответственна за привезенного ребенка, и ее способность к адаптации ощутимо возрастает (все опрошенные женщины, приехавшие в Германию с детьми от предыдущих браков, заявили, что уже сумели адаптироваться полностью или частично).

Переселенцам важно не только устроиться на работу по специальности и получать постоянный доход, но и комфортно взаимодействовать с принимающим обществом. Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что налаживание доброжелательных взаимоотношений с местными жителями особенно актуально для мужчин. Они чаще сталкиваются с проявлениями этнической неприязни, а потому острее чувствуют дистанцию, которая возникает между ними и местным населением (12 опрошенных мужчин и 8 женщин ответили, что испытывали по этому поводу эмоциональный дискомфорт).

В ходе исследования выяснилось, что женщины страдают, если не могут рассчитывать на помощь со стороны родственников: 15 женщин и 9 мужчин назвали отсутствие рядом родственников одной из серьезных проблем переезда.

Наш опрос показал, что миграционная активность не является исключительной прерогативой мужчин: поменять место жительства, переехать куда бы то ни было из Германии хотели бы 11 мужчин и 11 женщин (трое из неадаптировавшихся мужчин затруднились ответить на этот вопрос) (рис. 2).

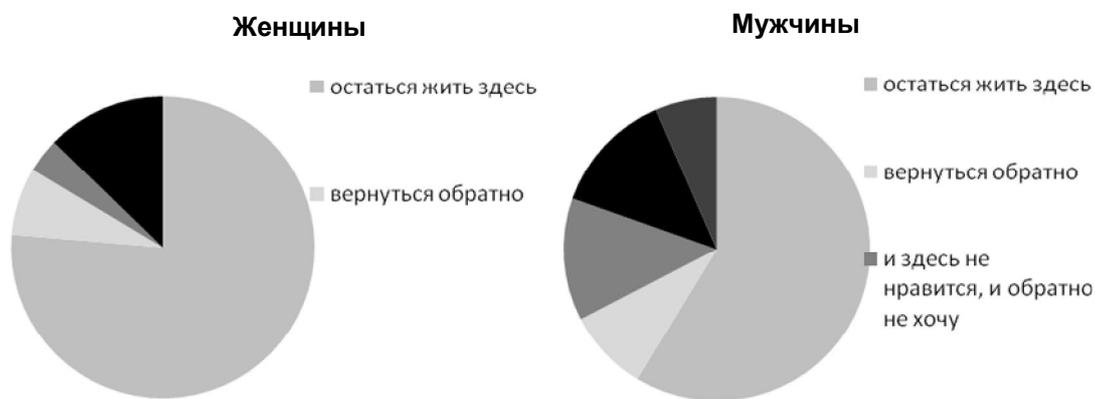

Рис. 2. Миграционные перспективы (согласно самоощущению опрошенных)

Сравнивая периоды адаптации мигрантов в России и Германии, можно заметить, что по времени они особенно не отличаются. Германские женщины-мигранты также отмечали, что для адаптации им понадобилось не менее 2 лет. При этом далеко не все мигранты по истечении этого срока растворяются в немецком обществе. Стратегия ассимиляции является одной из возможных, но не единственной.

Весомая часть германских мигрантов улучшает свое материальное положение, даже не восстановив свой прежний статус, в то время как для российских мигрантов улучшение материального положения напрямую коррелируется с восстановлением прежнего статуса. Российские мигрантки в целом

позитивнее оценивали ситуацию, германские же нередко давали низкую оценку своему новому положению.

Немецкие женщины-мигранты не реализуют так называемых российских «типично женских стратегий»: браться за любую работу, завязывать контакты с местным населением. Они либо долго и с переменным успехом ищут подходящую работу, либо остаются дома. *«Я вижу смысл ехать сюда только студентам, которые еще в своей стране уже с юности готовятся к Германии — язык учат, хорошо учатся; тогда есть толк, у них тогда хорошая перспектива: отучившись в Германии, они здесь и работу хорошую могут найти, и жизнь нормальную вести, а если и вернуться в свою страну, то с образованием немецким и с языком будут более востребованы на рынке труда. Ну, или выгодно еще женщинам замуж за немцев выходить, тут берут в жены и 30-, 40- и 50-летних, а в России и Украине замуж после 25 лет уже сложно выйти, все мужчины или женатые уже, или 20-летних хотят»* (Ж, 30 лет).

Общей проблемой мигрантов является то, что мужчины чаще страдают от неадекватного отношения к себе на новом месте, отмечают, что им платят меньше, чем местным жителям. Женщины подобные проблемы, как правило, не выделяют.

Опрос показал, что респонденты переживают серьезные трудности адаптации (10 мужчин и 2 женщины дали ответ: *«никогда здесь не привыкну»*). Те же 2 женщины и 2 мужчины указали, что переезд не дал никаких преимуществ (*«только хорошая экология»*; *«преимуществ никаких нет, разве что можно по Европе без визы ездить»*; *«только куча проблем во всем»*). 4 мужчины и 4 женщины хотели бы возвратиться на Родину. Большинство из них испытывают ностальгию и видят Россию в качестве перспективной страны для переезда, считая, что *«за последние 10 лет на родине произошли улучшения»* (Ж, 35 лет).

Мигранты, решая уехать жить и работать за рубеж, не в состоянии просчитать всех последствий переезда. Они сомневаются в правильности собственного выбора: *«Может быть, нужно принести себя в жертву ради будущего ребенка?! А может быть, ради ребенка, наоборот, нужно вернуться в Россию?!»* (Ж, 42 года).

Меняющиеся экономическая, политическая, демографическая ситуации непременно отражаются на настроении и самочувствии мигрантов. *«Раньше в Германии на марки можно было намного больше купить, вот и взяли дом в кредит, а теперь как рассчитывать, не знаю. До смерти буду работать...»* (М, 48 лет).

Вот отрывок из письма нашей респондентки, а ныне реэмигрантки, которая уже вернулась в Россию из Германии в результате неудачной полуторагодовой адаптации (въезжали по программе поздних немецких переселенцев всей семьей: мать, отец, ребенок, бабушка и дедушка): *«Мы были дома, родители к нам приходили. После скитаний прошедшего года так хорошо было встретить Новый год в уютной домашней обстановке в своей любимой квартире, послушать поздравление Путина и т. д. Впервые оценила такие простые радости жизни. Теперь у нас каникулы 10 дней»* (Ж, 43 года).

Наше исследование позволило не только увидеть проблемы адаптации, но и создать собирательные гендерные образы потенциальных реэмигрантов, которые могли бы вернуться в Россию.

Мужчина: зрелого возраста, со средним или высшим образованием, работающий по смежной профессии или не по специальности, в браке, имеющий детей, проживший в Германии более 5 лет, переехавший с целью улучшения жизни для себя и своей семьи или «из-за жены», которая имела немецкие корни. Контактирующий исключительно с мигрантами, чувствующий ответственность за стариков-родителей, оставленных в России, и страдающий от дефицита общения с родственниками и друзьями.

Женщина: по возрасту несколько моложе мужчины, с высшим образованием, неработающая или работающая не по своей специальности, в браке или разведена, общающаяся как с местными жителями, так и с мигрантами, переехавшая в Германию в связи с замужеством или для воссоединения с родственниками. Главными проблемами переезда, по ее мнению, являются отсутствие возможности часто видеть детей или ухаживать за родителями, понижение социального статуса, сужение круга общения и недостаток искренних друзей.

Подведем некоторые итоги.

1. Мужчинам труднее налаживать новые связи: если женщины контактируют с местными жителями через детей, религиозные организации, то мужчины эти каналы почти не используют. Менталитет страны таков, что общение с коллегами ограничено рабочим временем, в Германии не принято ходить в гости к соседям или знакомым, поэтому мужчины чаще замыкаются, «зависают» в социальных сетях, их социальные контакты сводятся к минимуму.

Своеобразной женской проблемой является тоска по родным и близким, устойчивым связям и отношениям. Ситуация усугубляется, когда женщины не могут взять с собой родителей и детей, в первую очередь это касается «невест» из бывшего СССР.

2. Общей проблемой всех мигрантов является эмоциональная неустроенность и потеря социальных контактов. Даже знание языка не гарантирует мигрантам нахождение комфортной социальной ниши в новой стране. Семейные мигранты обычно, испытывая стресс аккультурации, друг друга поддерживают, одиноким мигрантам приходится значительно труднее. Как среди мужчин, так и среди женщин есть те, кто привыкли и хорошо себя чувствуют, и те, кто испытывают долговременную ностальгию. Мужчины значительно чаще применяют неудачные адаптационные стратегии — сепарации (сегрегации) и маргинализации, в то время как женщины успешнее интегрируются и ассимилируются. Не добившись успеха в адаптации, женщины сохраняют для себя семейную нишу, в то время как мужчины в подобных случаях нередко теряют и семью.

3. В целом мигрантов встречают типичные проблемы: инокультурная среда, неродной язык, другие обычаи, религия. К этому надо добавить сложности трудоустройства, отсутствие родственников, друзей, знакомых. Однако на пути немецких мигрантов встречаются и специфические трудности: женщины-мигранты, вступая в брак с немецкими мужчинами, попадают в чужое культурное пространство, где мужские и женские семейные роли зачастую не совпадают со стереотипными представлениями женщин.

В отличие от российских мигрантов, адаптационное поведение которых характеризуется ориентацией на внутренние и внешние факторы, для германских мигрантов обоюбого пола свойственна ориентация на внутренние факторы:

нацеленность на восстановление эмоционального равновесия, достижение душевного комфорта, обретение новой родины, нахождение своего круга. Проблемой пониженного статуса или необходимостью поиска лучших условий для профессионального роста и самореализации, по сравнению с российскими мигрантами, они озабочены в меньшей степени.

Исключительно германской особенностью является широкое использование социальных пособий в качестве средства к существованию мигрантов. Дотационная политика формирует иждивенческие установки и снижает уровень их инициативы. Если российские женщины-иммигрантки берутся фактически за любую оплачиваемую работу и довольно быстро адаптируются в новой среде, то мигранты, проживающие в Германии, оставаясь дома, сдерживают таким способом адаптационное движение.

Приступая к анализу, мы имели рабочую гипотезу, в соответствии с которой из-за разницы в целях и мотивах переезда немецкие женщины-мигранты, в отличие российских, испытывают трудности самореализации. В результате проверки гипотезы выяснилось, что потеря социального статуса и карьерных позиций действительно является одним из главных недостатков переезда для 8 мужчин и 14 женщин. Впрочем, данная проблема не достигает масштабного уровня из-за господствующих гендерных стереотипов, которые позволяют женщине, не теряя в глазах общества свою значимость, оставаться дома.

Независимо от страны исхода и принимающей среды, по ряду формальных показателей женщины проигрывают мужчинам, но субъективно они чувствуют себя лучше. Используя удачные стратегии адаптации (интеграции и ассимиляции), социальную поддержку и сильную мотивацию, они быстрее преодолевают стресс аккультурации и успешнее достигают комфортного положения в новом обществе.

Проведенный анализ показал, что уровень адаптации русскоязычных мигрантов в Германии различен. В стране проживает определенное число переселенцев из бывшего СССР, которые так и не смогли адаптироваться к принимающей среде. Они не нашли новой родины, им не удалось устроиться по своей специальности, выучить язык, на родине у них остались родители, близкие и друзья.

Моральные потери мигрантов оказались существенно экономическими приобретений. Некоторые переселенцы готовы вернуться обратно, но им не хватает уверенности в своих силах, положительных примеров подобных реэмиграций, информации о госпрограмме поддержки добровольных переселенцев. Поэтому, помимо дальнейшего совершенствования программы и популяризации ее основных положений, необходимо наладить систематическую работу сайта Федеральной миграционной службы⁴, создавать консультационные центры для потенциальных возвратных мигрантов, шире пропагандировать переселенческий опыт, использовать агитационные приемы и адресную помощь.

⁴ Отзывы реэмигрантов на официальном сайте ФМС России не обновлялись с 2012 г., последний выпуск еженедельного приложения к газете, ориентированной на соотечественников, проживающих за рубежом, датирован ноябрем 2013 г. [11].

Библиографический список

1. *Большова Н. Н.* Политика регулирования интеллектуальной миграции в современной Германии // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2012. № 6. С. 226—237.
2. *Брагинский В. М.* Иммиграция евреев в Германию : манипуляция сознанием и этический аспект. URL: <http://www.braginsky.com/> (дата обращения: 24.11.2013).
3. *Бритвина И. Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов : социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2006. 41 с.
4. *Войлокова Т. Н.* Адаптация русскоязычных высококвалифицированных мигрантов к трудовой деятельности в Германии // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 51—62.
5. *Козырева П. М.* Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24—36.
6. *Маховская О.* Наши женщины и дети в США // Другие берега. 2007. № 8. URL: <http://drugieberega.com/2005/1/nashivusa> (дата обращения: 07.11.2013).
7. *Маховская О.* Психология юных мигрантов // Другие берега. 2007. № 8. URL: http://drugieberega.com/2004/8/psycho_young (дата обращения: 25.11.2013).
8. МИД РФ узнает о настроениях соотечественников за рубежом за 6 млн рублей // РИА «Новости». 2013. 28 дек. URL: <http://ria.ru/society/20131228/987029065.html#13904039956693&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения: 06.01.2014).
9. Население России, 2007 : пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский ; Гос. ун-т «Высш. шк. экономики». М. : ИД ГУ ВШЭ, 2009. 296 с.
10. *Фатьянова А. В.* Особенности адаптации иммигрантов на примере поздних переселенцев в Германии // Глобальные демографические проблемы современности : миграция и миграционная политика : сборник статей / отв. ред. В. В. Минаев ; сост. В. Б. Жиромская. М. : РГГУ, 2012. С. 259—269.
11. Федеральная миграционная служба : официальный сайт ФМС России. 2014. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/> (дата обращения: 11.02.2014).
12. *Циммерман К.* Влияние миграции на европейский рынок труда // Экспертный портал Высшей школы экономики. 21.04.2010. URL: <http://opec.ru/1244421.html> (дата обращения: 03.11.2013).
13. Численность и миграция населения РФ в 2012 г. 2.6. Международная миграция Российской Федерации в 2012 году: tab2-06-12.xls. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_107/Main.htm (дата обращения 23.11.2013).
14. *Berry J. W.* A psychology of immigration // Journal of Social Issues. 2001. Vol. 57. P. 615—631.
15. *Glöckner O.* Wählerisch // Jüdische Allgemeine. 09.07.2009. URL: <http://www.juedische-allgemeine.de/article/view/id/1049> (дата обращения: 18.12.2013).
16. Migration nach Deutschland, 2013 / Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: <http://www.bamf.de/DE/Migration/Spaetaussiedler/spaetaussiedler-node.html> (дата обращения: 14.11.2013).
17. Migrationsbericht, 2011 / Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Migrationsberichte/migrationsbericht-2011.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 28.11.2013).
18. Zuhause fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / hrsg. v. S. Ipsen-Peitzmeier, M. Kaiser. 2006. URL: <http://books.google.de/books?id=Gt0FicaEaYgC&pg=PA184&lpg=PA184&dq> (дата обращения: 18.12.2013).

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

ББК 63.3(235.7)5-284.3

О. С. Мутиева

РОЛЬ ЖЕНЩИН ВЫСШЕГО СОСЛОВИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ДАГЕСТАНА (XVIII — НАЧАЛО XX в.)

В статье рассматривается одно из направлений гендерной тематики, связанное с исследованием роли женщины из высшего сословия в традиционном обществе Дагестана XVIII — начала XX в. Данная тема не получила специального освещения в научной литературе и несправедливо обходилась многими исследователями. Как правило, материалы, касающиеся женской тематики, и в частности гендерных отношений, помещаются в общие работы по истории дагестанских народов. Имеющиеся в них сведения носят справочный, фрагментарный характер.

Впрочем, такая тенденция была характерна в целом для науки, на что справедливо указывает Н. Л. Пушкарёва: «Источники, которыми пользовались ученые, диктовали скептическое отношение к “женской теме” — в них почти не отразились повседневная жизнь и быт десятков тысяч безмолвных героинь мирового прошлого» [9]. Женская тематика изучалась «главным образом этнографами в рамках исследования традиционного (крестьянского) быта» [8, с. 5].

Что касается дагестанской женщины, то в названный период она занимала в обществе место, в целом соответствующее положению женщины в традиционном обществе, где господствовали патриархальные порядки и гендерная дискриминация. Ее жизнь регламентировалась в строгом соответствии с нормами, обычаями и нравственными установками, которые были характерны для этого социума. На статус женщины оказывали влияние многие факторы, среди которых необходимо выделить социальное происхождение, место в семейной иерархии, а также знатность тухума (рода), к которому женщина принадлежала.

Если женщины знатного происхождения или более знатного тухума всегда характеризовались более высоким социальным положением, то положение женщины из неимущих слоев было практически бесправным. Безусловно, на жен и дочерей высокопоставленных лиц влиял статус их мужей и отцов. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на свои привилегии, женщины высшего сословия по отношению к своим мужьям или отцам в повседневной

жизни всегда занимали подчиненное положение. Женщина в любом случае воспринималась обществом как второстепенное лицо, свобода которого была ограничена волей мужа, отца или брата.

Что касается быта, то женщины высших сословий не только умело руководили процессом домашнего труда, но и сами были искусными мастерицами. Особое место среди традиционных женских занятий занимало ковроткачество, шитье и вышивание. Горянки, независимо от их социального статуса, с самого раннего детства обучали дочерей своему мастерству. Обязательным женским занятием женщин высшего сословия Хунзаха, Ругуджа, Губдена, Кубачи, Кумуха считалось вышивание. В «Кавказском календаре на 1893 г.» подчеркивается, что «казикумухские женщины славятся... вышиванием золотом по сукну, шелку и коже» [2, с. 155]. Золотошвейное искусство было доведено до совершенства, им занимались именно женщины знатного сословия, т. к. использование золотых и шелковых ниток могли позволить себе только имущие слои общества.

Рассматривая роль женщин в публичном пространстве социума, мы пришли к выводу, что женщины из привилегированных сословий допускались к властным полномочиям. Они имели возможность не только участвовать в политических процессах, но и оказывать на них влияние. Надо, однако, отметить, что эту возможность они получали только после смерти своих мужей или же во время их болезни [5, с. 51].

Примером этого служит правительница Дербента Тути-бике, которая после смерти своего мужа Фат-Али-хана сыграла весьма важную роль в политической жизни Дагестана конца XVIII в. Известно, что Тути-бике не только принимала самостоятельные важные политические решения, но и возглавила защиту Дербента от неприятеля. Именно благодаря Тути-бике Дербент, выдержав 9-месячную осаду, не сдался, а сама правительница завоевала уважение его жителей.

Аналогичным примером служит и современница Тути-бике правительница Табасарана Ханум-бике Каракахан-бек кызы, которая умело управляла от имени своего немого сына Новруз-бека [1].

Интересные сведения мы имеем о Паху-бике, дочери аварского хана Умма-хана Великого, которой было суждено сыграть важную роль после его смерти. Начавшаяся борьба за власть в ханском доме столкнула интересы Паху-бике и его трех жен — Китлиляй, Хыстаман и красавицы-грузинки Дариджи, присланной в качестве подарка Умма-хану Великому грузинским царем Ираклием.

Паху-бике, будучи умной и дальновидной женщиной, после смерти своего мужа аварского хана Султан-Ахмета (Ахмет-хана) сыграла важную роль в политических событиях Кавказской войны. Хитрая и честолюбивая Паху-бике, используя всевозможные ухищрения и несмотря на преграды, добилась от царя Николая I признания своего старшего сына, Абу-Султан Нуцал-хана, наследным владельцем Аварского ханства. Ф. П. Скалон, участник Кавказской войны, находясь по поручению генерала И. Ф. Паскевича долгое время в Аварском ханстве, указывает на имеющиеся в ханском доме интриги и склоки. По его свидетельству, виной этого были ханши Паху-бике и Гихили

(мачеха Паху-бике), которые постоянно враждовали между собой и оказывали определенное влияние на мужскую часть ханского дома [10]. Ф. П. Скалон пишет: «Ханша Гихили, весьма благоразумная женщина, в вражде с Паху, имеет влияние на управление народом, чему служит доказательством и то, что она пользуется половиной малых доходов скудного ханства Аварского. Ханша Паху ожесточена против Сурхай-хана за отданные ему нашим правительством деревни, с коих получались прежде ясак, или подати; она объявила, что примирится с ним только тогда, когда он согласится сложить с себя ханское достоинство (ханом его не признают), с деревень не будет пользоваться доходами, а предоставит все ей и, словом, во всем будет исполнять ее волю. Согласившись на примирение, Сурхай-хан был уже у них в руках, легко может погибнуть; а если правительство наше находит полезным поддерживать Сурхай-хана, то примирить с ним ханшу Гихили очень легко, она, имея ненависть к Паху, явно говорила, что готова примириться, несмотря на то что была действующим лицом в убийстве отца его, и даже восстать с ним против ханши Паху, сим-то способом можно усилить партию Сурхай-хана» [10]. Известно также, что ханша Гихили обращалась к генералу А. П. Ермолову через муллу с просьбой содействовать в устранении Ахмет-хана Аварского путем отравления [6, с. 133].

Что касается Паху-бике, то после смерти своего мужа Ахмет-хана она всячески пыталась укрепить позиции как свои, так и своих сыновей в ханском доме. О ее амбициях свидетельствуют и обращения к генералу Паскевичу, в которых она требует не только сохранить ей привилегии покойного мужа Ахмет-хана в плане денежного жалованья, но возвратить ее сыну Абу-Султан Нуцал-хану «как земли Аварии, которые при жизни Ахмет-султана были отданы Ермоловым во владения шамхала Тарковского и Сурхая-хана, так и от тушинцев и мосаков дань рогатым скотом, катерами, бурметом, получаемую ханами аварскими до покорения Грузии под российскую державу» [7, с. 11]. Паху-бике торгуется до последнего и в случае положительного решения вопроса обещает дать согласие на присягу русскому царю. Как известно из источников, требования Паху-бике были удовлетворены частично, поскольку генерал Паскевич отказался ей вернуть земли, аргументируя это тем, что и шамхал Тарковский, и Сурхай-хан в течение десяти лет укрепили за собой право на эти владения постоянной верностью. Несмотря на такой исход дела, в сентябре 1828 г. аварский народ присягает на верность русскому государю. Но и после присяги ханша не теряет надежды решить вопрос с потерянными землями и в декабре 1829 г. отправляет представителей хунзахской знати в Санкт-Петербург к царю. Пробыв в столице несколько месяцев, они с щедрыми подарками от царя и положительным результатом вернулись в Хунзах.

Паху-бике сумела не только добиться улучшения в отношениях с российскими властями на Кавказе, но использовала их покровительство в борьбе с мюридами. Так, в 1830 г. она, выступив открыто против мюридов Гази-Магомеда, на деле доказала, что женщины-горянки способны решать самостоятельно и политические задачи. Исследователи пишут, что «смелая ханша поднялась на крышу, сорвала с головы платок и закричала: “Мужчины Хунзаха! Наденьте платки, а папахи отдайте женщинам! Вы их недостойны!”» [3]. В итоге народ Хунзаха воспрял духом, а Гази-Магомед был вынужден отступить.

После сражения ханша Паху-бике еще более возвысилась в глазах хунзахцев. За эту победу Николай I пожаловал Аварскому ханству знамя с гербом России, не обделив при этом и женщин: ханше Гихили и ханше Паху, ее падчерице, — «каждой на 3 полные одежды газету по 12 аршин, парчи по синему атласу с серебряными цветами по 12 аршин и по белому атласу с золотыми полосами по 12 аршин, и по одному собольему камчатскому меху» [4, с. 11].

К сожалению, лояльность ханши Паху-бике к России обошлась ей очень дорого, жизнь ее оборвалась трагично, мюриды во главе с Гамзатбеком казнили ее вместе с сыновьями. Безусловно, именно этот период жизни раскрывает ее как яркую личность, сыгравшую важную роль в политической жизни Дагестана.

Очень скудные сведения мы имеем о женах имама Шамиля — Патимат, Ждаварт, Загидат, Шуайнат и Аминат. Как правило, это отдельные факты и самые общие оценки их деятельности. Но и этот материал дает нам возможность характеризовать повседневность знатных женщин и их роль в жизни известных личностей.

Как женщины высшего сословия жены Шамиля обладали определенными привилегиями: они могли приходиться к Шамилю без разрешения, которое требовалось всем другим [3].

В остальном же их жизнь не отличалась от жизни их менее знатных современниц. Провожая мужа в поход, жены готовили ему припасы, чистили амуницию, вышивали чехлы для пистолетов и чинили одежду. Эмоциональную сторону этих отношений передает в своей работе «Имам Шамиль» Ш. М. Казиев: «Выезжая, Шамиль трижды припадал к коню, так как ворота не позволяли ехать в полный рост, и каждый такой поклон жены воспринимали на свой счет. Они же и встречали его во внутреннем дворе, когда имам возвращался. Тогда они оживали, прихорашивались и закрывались в своих комнатах, пока не выяснялось, к которой из жен Шамиль постучался на этот раз. Получив условный знак, избранница становилась весела и старалась всех облагодетельствовать. Нарядную одежду жены Шамиля носили лишь тогда, когда имама в Ведено не было. Он не любил роскоши и излишеств и запрещал женам слишком выделяться среди других жительниц Ведено» [3].

Несмотря на равное отношение ко всем женам, Шамиль все же выделял любимую жену — Шуайнат (Анна Улуханова). О Шуайнат у современников сохранилось много воспоминаний. Именно ей, дочери зажиточного моздокского купца, Шамиль дал право посещать его военную резиденцию, чего не дозволялось другим женам. Известно, что Шамиль женился на ней в 1840 г. и она родила ему дочь Сапият. Несомненно, она сыграла определенную роль в жизни Шамиля, разделив с ним все победы и тяготы длительной войны и калужскую ссылку.

Что касается других известных знатных женщин, таких как жены Мехтихана шамхала Тарковского Фариджа-ханум (Пери-Джехан-ханум) Дербентская, Севдюк-бике, мы о них знаем очень мало. Те сведения, что имеются в источниках, не характеризуют их как личностей, не показывают их место в социально-политических процессах. Хотя, бесспорно, находясь рядом со своими влиятельными мужьями, они играли роль как в жизни мужа, так и общества в целом.

Таким образом, вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что женщины из высших слоев в дагестанском обществе не были ущемлены в социальном статусе, при определенных обстоятельствах наделялись и властными полномочиями. Но, как уже отмечалось, эту возможность они получали только после смерти мужей или же во время их болезни. Как видно из приведенных выше примеров, женщины играли весьма важную роль в обществе, являясь непосредственными участницами социально-политических процессов. Безусловно, личности Тути-бике и Паху-бике и их деятельность не вполне соответствуют сложившемуся стереотипу кавказской женщины исследуемого периода. Но их удивительные истории лишней раз заставляют нас по-новому взглянуть на женщину-горянку и ее место в жизни традиционного общества.

Библиографический список

1. *Алкадари Г. Э.* Асари — Дагестан. Махачкала : Лотос, 2009. 224 с.
2. Кавказский календарь на 1893 г. Тифлис, 1892.
3. *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М. : Мол. гвардия, 2001. URL: http://royallib.com/book/kaziev_shari/imam_shamil.html (дата обращения: 22.11.2014).
4. *Казиев Ш. М., Карнеев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М. : Мол. гвардия. 2003. 464 с.
5. *Мутиева О. С.* Женщины в общественно-политической жизни Дагестана (XIV—XIX вв.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 3. С. 49—52.
6. *Потто В. А.* Кавказская война : в 5 т. СПб., 1899. Т. 2 : Ермоловское время. 824 с.
7. *Потто В. А.* Кавказская война : в 5 т. СПб., 1899. Т. 5 : Время Паскевича, или Бунт Чечни. 340 с.
8. *Пушкарёва Н. Л.* Об эмпатии в антропологии и важности отдельного описания и изучения мужской и женской повседневности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 3—12.
9. *Пушкарёва Н. Л.* Женщины в исторических судьбах России X—XIX вв. URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_13.htm (дата обращения: 22.11.2014).
10. *Скалон Ф. П.* Сведения об Аварском ханстве. 1829. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Skalon_F_P/text.htm (дата обращения: 20.11.2014).

ББК 60.561.53

С. А. Натаев

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЖЕНЩИНЫ В ЧЕЧЕНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬЕ

Изучение социального статуса женщины в чеченской традиционной семье приобретает особое значение, когда в современном мире происходит трансформация устоявшихся гендерных отношений в обществе.

По представлениям дореволюционных исследователей, женщина в чеченском традиционном обществе была бесправной, т. е. пребывала на правах рабыни. Особенно эта мысль заметна у Ф. И. Леонтовича. По его мнению, угнетенное положение женщины было общим явлением для кавказских народов. Он считал, что в основе зависимого положения женщины лежала ее экономическая зависимость от мужчины, которая была отражена в адатах, отдававших ее во власть отца, братьев, мужа. По адатам, дочери подчинены отцу, пока находятся в его доме, он выдает их замуж по своей воле. В имении отца они лишены наследственной доли. Адат не признает за женщиной права собственного *калыма* или *кэбина*, получаемого от жениха. Жена принадлежит мужу, которому оказывает «раболопное уважение холопа к вольному», женщина находится в «беспредельном самовластии мужчины». По адату, «по смерти жены муж ни в коем случае не становится ее наследником». Принесенный ею в замужество калым, жениховский подарок и «нажитое ею имущество делится между детьми» [4, с. 96—99]. Стереотипный взгляд на женщину-чеченку как на бесправное существо, лишённое юридических прав, был перенесен и в советскую научную литературу.

М. А. Мамакаев также отмечал, что женщина не имела права голоса при решении вопросов общественно-политической жизни тайпа (рода). С одной стороны, с высоким положением женщины в семье считались, с другой — она была ущемлена в гражданских правах. В исследуемый нами период — время функционирования внутри тайпа отцовского права — хозяином положения являлся муж. Жена всецело была подчинена его власти. М. А. Мамакаев писал: «Во главе патриархальной семьи мог стоять только муж, хотя жена в приобретении имущества была не менее правоспособна и дочь наследовала равную долю с братом, а мать наравне с детьми. И не следует путать ранние правовые отношения с теми, которые появились с установлением гражданско-религиозного права мусульман — шариата в чеченском обществе, когда при разделе состояния главы дома сын получает полную долю, дочь полдоли, а жена — одну восьмую» [5, с. 12]. При этом, однако, он подчеркивал: «...убийство женщины было и остается величайшим позором у чеченцев. Гражданские права женщины, за исключением права голоса, оберегались наравне с мужскими правами.

В частности, если состоялась помолвка и одна из сторон после этого отказывалась от свадьбы, то платила специальный штраф «цавашацалла» — в размере до 12 коров. Если муж заставлял свою жену с любовником и убивал их обоих, то он за это ни перед кем не отвечал; если же муж убивал только жену или любовника, то он становился кровником родственников убитого или убитой и отвечал как убийца. За оскорбление девушки или вдовы виновный платил 7 коров; за оскорбление же замужней женщины платил 10 коров и изгонялся из общины. Если чеченец убивал свою жену, а она не имела детей, то он должен был заплатить ее родственникам 85 коров. Если же убитая жена имела детей, то он платил только 12 коров. Вообще, мужа — убийцу своей жены чрезвычайно презирали» [5, с. 34—35].

В чеченском обществе для женщины традиционно сохранялись определенные права и гарантии. Оказавшись в доме мужа, чеченка первоначально обретала статус *нускал* — невеста, затем *нус* — невестка, а уже потом *цIийннана* — хозяйка жилища. Самым почетным считался статус *хIусамнана* — мать семейства, который женщина приобретала, став матерью, воспитывающей детей. Схематически статус женщины-чеченки выстраивается в следующий ряд: *нускал* — *нус* — *цIийннана* — *хIусамнана*, в каждом статусе свои приоритеты.

Слово *хIусамнана* имеет семантику «мать семейства и хозяйка дома, где есть дети». В чеченской социальной терминологии имеется слово *цIийннана*, которое значит одновременно «мать крови» и «хозяйка дома», *цIеннана* — это хозяйка дома и хранительница огня и очага в доме. Если в доме есть *марнана* — свекровь, невестка получает статус *хинана* (мать воды), термин состоит из двух основ: *хи* — вода, *нана* — мать, в ее обязанности входит все, что связано с *хи*: приготовление пищи, стирка, уборка в доме. В отцовской семье, когда в доме появляется сноха, хозяйка дома *цIийннана* обретает статус *марнана* (мать мужа) — свекровь или большуха у русских.

При заключении брака у чеченцев существовали гарантии для девушки, выходящей замуж, т. е. невесте определяли брачный залог. Его эквивалентом служила стоимость одного *урд* (участок земли, который можно было вспахать за один световой день). Были определенные жизненные ситуации, при которых муж должен был выплачивать жене вышеназванный залог *урд*, в частности развод. Однако следует отметить, что существовали свои «подводные камни». Если женщина, в силу объективных причин, не могла иметь детей, это считалось одной из причин расторжения брака, в таком случае *урд* ей не выплачивался. Если женщина тяжело заболела, но имела детей, согласно чеченским адатам, она могла оставаться в доме мужа. При этом муж имел право привести вторую жену, что часто делалось с согласия первой жены. В целях моральной компенсации и сохранения мира в семье подобрать вторую жену для мужа разрешалось или вменялось в обязанность первой жене.

Если же брак расторгался по вине мужа, то он должен был жене выплатить стоимость *урд* и она имела право на часть совместно нажитого имущества.

Если женщина не выполняла супружеские обязанности или проявляла своенравие, про нее говорили *муьтIахьяц* — характером не сходящаяся. У чеченской женщины было право инициативы в интимной жизни, право инициативы на развод — *яшацалла*.

М. А. Мамакаев писал: «По обычному праву чеченцев жена всегда могла уйти от мужа, урегулировав при этом свои материальные взаимоотношения с ним, то есть уплатив плату (“ящацалла”) за оскорбление его достоинства своим уходом. При этом приданое жене возвращалось. Но ящацалла платил и муж, если он, без всяких на то оснований, разводился с женой» [5, с. 14].

У чеченцев имеются сферы жизни, где женщина обладает равным голосом с мужчиной. Есть женское пространство в доме, где жена является беспрекословной хозяйкой: «В домашних делах чеченка была полновластной хозяйкой, и мужу не положено было вмешиваться в ее дела» [5, с. 13].

Всякое преступление, совершенное в помещении с очагом, чеченцами считалось неизмеримо более тяжким, чем совершенное вне такого помещения. Поэтому строго различали: воровство или другие предосудительные деяния, совершенные за *гейбой* (перекладина над очагом), до *гейбы*, на дворе, в конюшне или хлеву и наконец в поле. По мере удаления места совершения преступления от очага оно считалось менее тяжким. Хищение очажных предметов (котел, очажная цепь, подставка и др.) каралось как тягчайшее преступление и приравнивалось к убийству человека. В том, что воровство или любое подсудное дело, совершенное в доме, где преобладало право женщины, каралось гораздо строже, чем такое же деяние вне дома, где действовало преимущественное право мужчины, трудно не усмотреть реликтовое проявление высокого положения женщины в семье и в роде [2, с. 77].

С. А. Хасиев пишет: «Женщина-мать заслужила у всех народов уважение, у чеченцев она поставлена в совершенно особое положение. Самая жестокая схватка, как по мановению волшебной палочки, прекращалась при появлении женщины с непокрытой головой, т. е. когда женщина снимала платок и бросала между дерущимися. Стоило потенциальной жертве кровной мести прикоснуться рукой к подолу платья любой женщины, как оружие тотчас пряталось. Величайшим позором считалось непочитание родственников матери и жены [8, с. 24]. А. А. Айдамиров в книге «Калужский пленник» описывает размышления имама Шамиля о чеченцах и об их отношении к женщинам: «О, этих наивных легкомысленных чеченцев Шамиль уже знает хорошо. Не зря он отказывался встать во главе их вооруженного восстания до тех пор, пока они не послали к нему с этой просьбой своих женщин. Чеченец никогда не встает на колени, кроме как на молитвах к Аллаху. Когда он вынужден обратиться к кому-нибудь с нижайшей просьбой, в крайнем случае, чеченец снимает папаху. А женщины обращаются с просьбой к мужчинам в очень редких случаях. Женщина у них какая-то святая, неприкосновенная личность. Ее нельзя оскорблять и унижать ни словом, ни делом. Человек, нарушивший этот закон, расплачивается головой» [1, с. 256—257].

Имам Шамиль в целях упрочнения своей власти и укрепления шариата жестоко преследовал обычаи и традиции, связанные с адатами, одним из которых был институт ухаживания, аналога которому нет даже у родственных ингушей и у других горцев Кавказа: чеченские девушки относительно свободно могли общаться с юношами в рамках строго определенных обществом норм — у родника, на вечеринках, на свадьбах, посиделках. Шамиль уничтожил целое село с женщинами, детьми и стариками в Нохчмохке (Ичкерия) из-за того,

что там продолжали устраивать свадьбы, вечеринки, встречи молодежи у родника [7, с. 42].

Грузинский писатель XIX в. А. Казбеги, хорошо знавший обычаи и нравы чеченцев, писал: «Чеченская женщина свободнее всех женщин и поэтому честнее всех. Никогда не допустит она никакой непристойности, хотя имеет право свободно общаться с мужчинами» (цит. по: [5, с. 13]).

Однако, когда мы говорим об относительной свободе общения девушки с мужчинами, это не означает распущенности. У чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, даже прикосновение молодого человека к девушке расценивалось как прелюбодеяние и сурово каралось.

Несмотря на свою суровость и жесткость, обычаи и традиции чеченцев были направлены на обеспечение гендерного равноправия женщин и предупреждение дискриминации по признаку пола. Особенно это проявлялось в вопросах неприкосновенности чести и достоинства женщины.

В этом плане идентичную мысль в общих чертах высказывает и М. А. Мамакаев: «Обращаясь к хозяйке дома, чеченцы до сих пор говорят: “цIеннана” (хозяйка огня), но никогда не говорили и не говорят, например, “цIеда” (хозяин огня). Позже, вероятно с появлением жилища, выработались уже другие термины: “цIа” (дом), “цIийннана” (домохозяйка) и “цIийнада” (домохозяин). Этот, казалось бы, незначительный штрих, несомненно, говорит о том, что когда-то в чеченском обществе преимущество было на стороне женщин. В связи с этим важно отметить и такую деталь, что по обычному праву чеченцев за убийство женщины полагались две крови и за оскорбление ее также платили вдвойне» [5, с. 14]. Собственный очаг (цIа), крепкое и здоровое потомство были для чеченца целью и сутью его жизни. Женщина исполняла функции хранительницы очага и воспитания детей [5, с. 12].

В селении Старые Атаги Грозненского района в 30-х гг. XX в. жила 120-летняя женщина Нана Вагапова. Выйдя замуж в 18 лет, она в течение более 100 лет непрерывно поддерживала огонь в очаге дома своего мужа. Говорили, что не было случая, чтобы даже в жаркие летние дни огонь потух. В старину это, по ее словам, являлось обязанностью и делом чести каждой уважающей себя женщины-хозяйки [2, с. 74].

М. А. Мамакаев пишет: «В доме чеченца жена была не служанкой, как это привыкли понимать, а полновластной хозяйкой. Свободная от тяжелых и опасных работ, она всецело посвящала себя семье, воспитанию детей, и прялка и швейная игла для нее были тем же самым, что для мужа топор и плуг» [5, с. 13].

Статус женщины в чеченском традиционном обществе был необыкновенно высок. В чеченском языке есть понятие *Мехканана* (Мать страны), производное от термина родства *нана* — мать и *мохк* — земля, страна. Согласно народным преданиям, *Мехканана* ведала адатами, устанавливающими закон и порядок в сфере семьи и быта чеченцев. Авторитет и влияние женщины, которая имела статус *Мехканана*, были настолько высоки, что кровнику, прикоснувшемуся к ее груди, если она позволяла это ему, прощалось убийство. Убийца-кровник терял личное имя, родство и становился «сыном страны», ему давали прозвище *мамука*, производное от словосочетания *мама йокхарг* (кормящийся грудью). Он всю жизнь должен был служить этой женщине, которая

спасла его от кровной мести, усыновив. Надо отметить, *Мехканана* не была супругой *Мехка да* (Отец страны). Согласно преданиям, *Мехка-кхел* (Совет страны) выбирал на должность *Мехканана* наиболее достойную и уважаемую женщину Чечни [5, с. 101].

О культе матери и женщины у чеченцев говорит также присутствие компонента *нана* (мать) в названиях языческих божеств, которым поклонялись древние предки чеченцев.

Хинана — Мать воды, которая, согласно мифу, обитает в воде, особенно в бурных горных реках, сопутствует людям и предупреждает их о предстоящих бедствиях плачем и пением, похожим на причитание над умершим. Рассказывали, что во время Кавказской войны, за несколько месяцев до занятия и разорения царскими войсками одного из селений Чечни, к жителям его явилась скорбная *Хинана* и предсказала им несчастье [3, с. 53].

Дерцнана — Мать вьюги или бури. Согласно легенде, у нее было семеро сыновей, которые покинули ее, превратившись в созвездие Большой Медведицы. Рассерженная этим, она ушла от людей и поселилась на горе Башлам-Корт (Казбек). Отсюда, очертив вершину запретным кругом, она сбрасывала вниз лавины снега и камней на всякого, кто пытался достигнуть ее местопребывания. Матери вьюги и бури приписывалась власть над всякой непогодой. Обычно путник, которого заставляла в дороге непогода, призывал на помощь ее дух. В честь нее в Девдоракском ущелье был устроен жертвенник, где в конце каждого сезона устраивался праздник с жертвоприношениями, пением и плясками.

Мехнана — Мать ветров — живет, как и Мать вьюги, на вершине Казбека. При недовольстве людьми она поднимает бурю и разметаёт их имущество. В пору покоса и жатвы (в месяц *эттинг-бут*) ей посвящались понедельники. «В эти дни, — писал Е. Шиллинг, — прекращали работу, думая, что, в противном случае, ветер разнесет хлеб и сено» (цит. по: [3, с. 54]).

Нана-Латта — Мать-Земля. Земля являлась исстари не только для предков вайнахов, но и для всего рода человеческого, в конечном счете, всеобъемлющей кормилицей (здесь не только образное восприятие кормилицы-земли по аналогии с кормящей матерью).

Интересно, что наряду с *Нана-Латта* (Мать-Земля) чеченцы говорят в эмоциональной речи и *Льатта Ненан Кийра* (Утроба Матери-Земли), имея в виду начало или конечный исход насущного.

Ценнана — Мать огня. Согласно мифологии, она живет в огне и является его повелительницей. Это добрый дух, дающий людям горячую пищу, свет при темноте и тепло при холоде. Кроме того, Мать огня является охранницей чистоты, поэтому нельзя плевать и бросать нечистоты в огонь, в ее постоянное местопребывание. Считалось, что она приносит в дом благополучие, достаток, мир и согласие.

В вайнахской семидиции среда считалась днем Матери огня. В этот день люди не работали, нельзя было давать соседям ничего из дома, особенно огонь. В старину мужчины считали неприличным раздеваться перед огнем, стыдясь женского взора Матери огня. Еще в недалеком прошлом женщины-чеченки приносили ей жертву: каждый раз после приготовления горячей пищи хозяйка непременно бросала в огонь куски этой еды [3, с. 55].

Таким образом, несмотря на то что в общественных вопросах женщина была ограничена в правах, в период традиционного общества у чеченцев была развита норма уважения и почитания женщины как матери, как хранительницы очага. Чеченец только в трех случаях мог встать на колени: перед Богом, землей и матерью.

Социальный статус чеченки, закрепленный адатами, изменяется в сторону ослабления с укреплением шариата и вытеснением норм адата из общественной жизни чеченцев, но и при этом социальные гарантии для нее сохраняются.

Библиографический список

1. *Айдамиров А. А.* Собрание сочинений : в 6 т. Грозный : Кн. изд-во, 2005. Т. 4. 486 с.
2. *Исламов А. А.* Вайнахские культы огня и плодородия как явления матрилинейного порядка // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. Т. 9, ч. 1, вып. 1. С. 74—77.
3. *Исламов А. А.* К вопросу о первобытно-религиозных представлениях у предков вайнахов // Известия ЧИИИНИЯЛ. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. Т. 9, ч. 1, вып. 1. С. 52—56.
4. *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев : материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. 640 с.
5. *Мамакаев М. А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1973. 98 с.
6. *Натаев С. А.* Чеченские тайпы. Махачкала : АЛЕФ, 2013. 418 с.
7. *Хасиев С. А.* Институт ухаживания чеченцев // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982. С. 42—46.
8. *Хасиев С. А.* Чеченцев древняя земля. СПб. : Седа-С, 1994. 240 с.

ББК 60.542.2

С. В. Сиражудинова

ГЕНДЕРНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНОГО ДИАЛОГА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Определенные гендерные границы существуют в любом обществе, но особо остро они ощущаются в северокавказском. Разграничение пространства на женское и мужское здесь всегда ярко подчеркивается и не ослабевает в ходе развития общества, а наоборот, становится еще сильнее.

В последние десятилетия возрос интерес к гендерной проблематике. Вслед за развитием международного законодательства, все больше и больше отстаивающего права женщин и защиту их от дискриминации, Конституция Российской Федерации, а также и конституции республик Северного Кавказа провозгласили гендерное равенство и равноправие.

Однако порой местные обычаи, или, по-кавказски, адаты, выдвигают свои требования, становясь даже над Законом. Поэтому гендерные отношения на Северном Кавказе остаются сложными и запутанными. Важно выявить, существуют ли перспективы преодоления гендерных барьеров и возможности организации диалога равноправных партнеров.

Тема достаточно актуальна, но работ по ней мало. Данный вопрос могут исследовать лишь те, кто живет в этом обществе. Но общество закрыто и говорить об этой проблеме не каждый может свободно. Поэтому мы сталкиваемся с дефицитом литературы на эту тему, с отсутствием серьезных общественных дискуссий. В статье используется эмпирический материал, работы историков и этнографов.

В целях изучения гендерных проблем на Северном Кавказе автором с 2003 по 2014 г. проводилась серия социологических исследований. В основе статьи — социологическое исследование «Гендерные проблемы Северного Кавказа», предпринятое в Республике Дагестан в 2013—2014 гг.*

География изысканий ограничена Республиками Дагестан, Ингушетия и Чеченской Республикой, где влияние ислама на жизнь общества и каждого человека наиболее заметно, где нами на протяжении многих лет проводились полевые и эмпирические исследования.

В теоретическом плане для нас является примером анализ вопросов гендерного равноправия М. Острогорского [5] — родоначальника компаративных гендерных исследований. Важна работа Ю. Карпова о разделении пространства Северного Кавказа на мужское и женское, о детерминированности повседневности, да и всей жизни горцев нахождением в этом разграниченном пространстве [2].

Согласимся с Ю. Карповым [2]: гендерные границы порождает общество, его история, традиции, обычаи, культура. Важную роль играет и гендерная политика государства и общества. Говоря о Северном Кавказе, мы сталкиваемся с отсутствием гендерной политики или с политикой, которая противоречит Конституции РФ, общечеловеческим ценностям и ведет к росту гендерных барьеров, к закреплению ущемленного положения женщины в обществе.

Может ли общество и сама женщина признать важность преодоления гендерных барьеров, если существует негласная политика, идет постоянная пропаганда гендерных барьеров и неравенства? Право на частную жизнь и личную автономию для большинства женщин здесь почти недоступно.

Полиюридизм и размытость правового поля в регионе можно охарактеризовать как конфликтное столкновение, как минимум, трех «законов»: формального кодифицированного, обычного права — адата, исламского шариата. Такое положение дел создает мощную базу для всевозможных манипуляций как на индивидуальном, так и на государственном уровне.

Одной из проблем, свидетельствующих о гендерных барьерах и неравенстве, является проблема полигамии, противоречащая Конституции РФ и нарушающая гарантированные п. 3 ст. 19 «равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [3, с. 6]. Согласно проведенному в Ингушетии исследованию, к многоженству у большинства женщин отношение отрицательное.

* Общая выборка — 1200 респондентов. Использовался метод анкетирования (1175 респондентов), опрос экспертов (25 стандартизированных интервью), компаративный метод.

Многоженство обосновывается многими имамами и политиками, но не упоминаются условия для него. Идет внутррелигиозная борьба за паству. Основные прихожане мечетей — мужчины, поэтому духовные лица и говорят преимущественно о том, что получит поддержку в мужской среде.

Вопросы кражи невест, ограничения на образование, заостреные стереотипы гендерных ролей создают дополнительные гендерные барьеры, выстраивая дистанцию между мужчинами и женщинами. В современных условиях, сталкиваясь с процессами модернизации, эти барьеры могут в них влиться, а порой служат источником разрастания гендерных проблем. Проблема гендерного неравенства и границ коренится не только в гендерных отношениях, но и в самосознании женщин [4], зависящем от уровня их образования и социального статуса, силы гендерных стереотипов о предназначении полов.

Традиции в регионе во многом сильнее влияют на жизнь, чем процесс модернизации. До сих пор у отдельных народов сохранился и ретранслируется потомкам этикет, определяющий местоположение женщины в комнате, по отношению к мужчине и др.

Роль женщины в определенных сферах трансформировалась, а в определенных остается неизменной. С одной стороны, женщине позволили стать добытчиком в семье, проявить больше активности в сфере малого бизнеса. Мужчина отдал ей ту сферу, которая для него самого не престижна. По словам эксперта, главы администрации г. Каспийска Х. М. Пирсаидовой, «мужчина лучше будет лежать на диване, чем займется непрестижной работой. А женщине деваться некуда. Нужно кормить семью и детей». Но женщине не позволено быть конкурентом мужчине в главенствующей политической сфере. Роль руководителя и лидера в традиционном обществе, так же как и в религиозном, сугубо мужская роль. Поэтому женщина не должна стремиться стать руководителем, а тем более политическим или духовным лидером.

На вопрос «Преодолимы ли гендерные барьеры на Северном Кавказе?» сегодня мы точный и ясный ответ получить не можем.

Северный Кавказ имеет исторические предпосылки для равноправия женщин, для стирания гендерных границ. В литературных памятниках Ингушетии и Дагестана, в легендах, сказках, исторических памятниках можно встретить упоминание о женщинах-богинях, женщинах-воительницах [1] и др. Многие древние адаты вайнахов закрепляют традицию своеобразного уважительного отношения к женщине.

Для нормального развития правового государства в Российской Федерации необходимо становление и признание всех прав и свобод человека, гарантируемых Конституцией РФ и международным законодательством.

Современное развитие северокавказского общества — яркий пример того, как границы могут где-то исчезать, а где-то сохраняться и обозначаться резче. И опять все это происходит в пользу мужчин.

Существуют местные НПО, которые оказывают поддержку женщинам, обеспечивают защиту в сложных жизненных ситуациях, психологическую и юридическую помощь. Их число неуклонно растет. Но за равноправие не выступает никто.

Сами женщины занимают активную позицию в решении социальных, политических и иных проблем. Именно такой статус женщин, как «мать», и отражение его в названиях организаций («Матери...») очень часто соответствует активным и сильным организациям, которые демонстрируют не слабость женщины, не просьбу о защите, а наоборот — ее силу, способность выступать миротворцем, содействовать решению проблем, отстаивать свои права и защищать интересы.

Основные проблемы, создающие гендерные барьеры, появились в обществе давно и не исчезают до сих пор. Рост религиозной идентичности усиливает эти барьеры (часто вопреки реальным требованиям ислама).

Чтобы лучше понять и проанализировать современную ситуацию, увидеть ее в динамике и глазами самого населения, как женщин, так и мужчин, в Республике Дагестан и было проведено социологическое исследование «Гендерные проблемы Северного Кавказа». Его цель — определить, насколько серьезны гендерные проблемы, и выяснить, какие из них наиболее актуальны для Дагестана, как их воспринимает и оценивает население Северного Кавказа.

Для того чтобы объективно оценить ситуацию, опрос проводился в разных группах населения (по возрасту, полу, национальности, социальному положению, религиозным верованиям и др.).

На главный вопрос нашего исследования — «Существуют ли гендерные барьеры в обществе?» — ответ был преимущественно положительный. При этом пришлось в анкете объяснять значение слова «гендер».

Для начала необходимо подробно рассмотреть гендерные проблемы региона, которые создают предпосылки для возникновения гендерных границ и барьеров, укрепляют их незыблемость и создают препятствия к их преодолению.

Вопрос о положении женщин на Северном Кавказе достаточно сложен, что и подтвердили ответы респондентов. Многие даже предпочитают эту тему игнорировать, для них сложно определиться с ответом. Так, около половины респондентов на этот вопрос не ответили либо ответили «не знаю» и «никак». 6, 8 % респондентов ответили, что положение женщин в республике «хорошее» и «нормальное», причем, преимущественно, женщины. Преобладали такие ответы, как «плохое» и «ужасное», и в них многие добавили такое слово, как «ущемленное», отметив ущемление всех прав.

Гендерные проблемы, влияющие на возникновение гендерных барьеров, вызывают и нарушения прав женщин. Так, на вопрос, нарушаются ли права женщин в республике, положительно ответили 76 % респондентов. Считающих, что права женщин не нарушаются, оказался 21 %.

Был не только выявлен высокий процент ответов, подтверждающих нарушение прав человека в отношении женщин, но было еще подчеркнуто, что нарушаются почти все существующие права. Наиболее проблемным нарушением прав человека в отношении женщин жителям Республики Дагестан представляется отсутствие веса слова и мнения женщины в обществе и в семье. Наиболее часто встречался такой ответ: «Мнение женщины никого не волнует», «Не учитывается ее мнение». Так же часто встречалось слово «неуважение». Даже мужчины (и преимущественно молодые) отвечали, что «нет уважения к девушкам».

Среди наиболее часто упоминаемых нарушений прав человека по отношению к женщине было «неравенство», «унижение», «дискриминация при приеме на работу», «нарушение личных прав», «нарушение права на самореализацию» и др.

Ответы на вопрос «В чем неравенство мужчины и женщины?» продемонстрировали патриархальность общества. В патриархальном же обществе гендерные барьеры имеются всегда: это условие его существования.

Респондентами было подчеркнуто наличие неравенства, которое проявляется «во всем». Мужчины-респонденты стремились подчеркнуть свою доминирующую роль и писали, что «мужчина — глава семьи» (подобные ответы были и у женщин, но в меньшем количестве). Более того, мужчины оказались недовольны возрастающим осознанием женщиной своих прав и своей роли в семье и обществе, подчеркивая, что «люди забыли, кто есть кто».

В качестве причины неравенства был отмечен «пол», что еще раз подчеркивает силу и значение гендерной дифференциации и гендерных барьеров в обществе. Физическое доминирование мужчины также до сих пор считается в дагестанском обществе причиной неравенства мужчины и женщины. Некоторыми было отмечено, помимо физического, еще и умственное доминирование мужчины: «Неравенство во всем. У мужчины есть сила ума...»

Ответы на этот вопрос подтвердили нарушение и ущемление прав женщины, продемонстрировали, что причина неравенства коренится «в правах», во второсортности женщины, в ее низком и второстепенном социальном статусе в обществе, «отсутствии свободы слов и действий».

Кто-то (единичные ответы) подчеркнул, что неравенство, по идее, отсутствует, но на практике проявляется: «Его не должно быть, но оно существует».

Важное отличие от вайнахских народов — часто отмечаемое «неуважение к женщине». Если респонденты в Чечне и в Ингушетии отмечали, что женщина занимает иное место в обществе, чем мужчина, то они делали акцент на ее особый важный статус как матери, на уважение к женщине как часть ее статуса. В Дагестане «неуважение» к женщине становится распространенной проблемой. В этом вопросе дагестанское общество отошло и от норм шариата, и от адатов, и от традиционной общекавказской культуры, издревле принятого почитания женщины, выросшего из распространенных здесь культов Богини-Матери, почитания женского начала.

Обычаи почитания женщины наиболее сильны в Чеченской Республике. Так было на протяжении веков, так и сейчас. Но определенная трансформация происходит и здесь.

Все процессы трансформации общества проходят через женщину, оказывая влияние на ее жизнь. Воздействие на статус женщины, усилия по регламентации ее жизни всегда сопровождают любые общественные трансформации, особенно в обществах традиционных и ре-традиционализирующихся, обществах с высокой степенью религиозной регламентации всех сторон жизни человека.

В последние годы возросшая арабизация населения привнесла изменения в жизнь женщины. Традиционно свободная чеченская женщина оказывается подверженной вторжению в личное пространство ее жизни новых усиленных норм религии. Чеченское общество многие годы жило согласно нормам

ислама, в то же время не ограничивая жизнь женщины. С недавних пор все активнее предпринимаются попытки по шариатизации женщины. Но внутренне свободные чеченские женщины сопротивляются попыткам давления на них. Одна известная чеченская правозащитница ответила так: «Мужчин наших смогли полностью победить и подчинить своей воле. Но женщин сломить не смогли, не прогнулись они под силу навязываемых требований. Посмотрите, после всех попыток заставить женщин носить платок далеко не все женщины, которых Вы видите на улицах города, в платке...» Это относится преимущественно к старшему поколению, к тем, кто является уже сформированной, установившейся личностью. Каким будет молодое поколение, выросшее в современных условиях изменения статуса женщины, неизвестно.

Попытка заставить женщин носить платок — это своего рода создание барьера между мужчиной и женщиной, подчеркивание и абсолютизация половой принадлежности. Чеченские женщины, будучи верующими и преданными религии и семье, традиционно платок в виде хиджаба не носили. В республике была распространена традиционная полоска, которую мужчины, смеясь, называли «отмазка». Это было своеобразным знаком гендерного отличия, но не было навязчивым и столь подчеркнутым.

Вопрос о преодолении барьеров остается открытым. Можно ли преодолеть гендерную дистанцию и уйти от гендерных барьеров, если вопрос о равенстве остается спорным. Нужно ли дагестанскому обществу преодоление гендерных барьеров? Нуждается ли оно в равенстве? Ответить трудно. Мнение общества разделилось. Около 40 % ответили, что равенство быть должно. К ним, правда с оговоркой, можно добавить еще около 20 % «находящихся посередине» и считающих, что равенство должно быть частичным: «Да, но не полностью», «Не везде и не всегда», «Мужчина должен быть выше». И полностью отрицающих равенство оказалось также достаточно много — чуть больше 40 %: «Мужчина должен быть первым, но мнение женщины учитывать», «Равенство не нужно, так споров будет больше» и др.

В качестве наиболее выдающихся женщин респонденты называют женщин-политиков. Приоритет был отдан М. Тэтчер, прозвучало и имя И. Ганди. Для многих выдающимися женщинами являются «раскрученные голливудские актрисы» Дж. Лопес, М. Монро и другие. Также были названы Ж. д'Арк, Д. Симидчиева, А. Дэвис, Ф. Алиева, «моя мама»...

Из женщин Республики Дагестан наиболее популярна и известна населению Ф. Алиева (она лидировала с огромным отрывом), за ней следует Парту Патима (отмеченная в основном мужчинами), также встречались имена П. Кагировой, Е. Исинбаевой, М. Ильясовой, Б. Мурадовой и другие.

Наиболее симпатичным персонажем сказки или мифа была названа Золушка, за ней следовала Белоснежка (популярная преимущественно у мужчин). Некоторые женщины отдали предпочтение Снежной Королеве. Среди упомянутых персонажей встречались Русалочка, Рапунцель, Дюймовочка, Клеопатра, Терпсихора...

Вклад женщин в историю Северного Кавказа для многих оказался неизвестен. Более 70 % ответили, что им неизвестны никакие заслуги женщин в истории Дагестана. 15 % вспомнили о заслуге Парту Патима. Кто-то подчеркнул, что заслуга женщин региона — вклад в области культуры. Это подтвердил и выбор некоторыми респондентами поэтессы Ф. Алиевой.

Почти никто из респондентов не слышал о том, что на протяжении достаточно долгого времени во главе Дагестана в годы советской власти была Р. Эльдарова. Не знают о ней даже многие кумыки, которые должны были бы гордиться своей выдающейся представительницей. Ее правление было ответом на ужасающие случаи дискриминации женщин в горском обществе в те годы. Незнакомы со своей историей и многие работники государственных и муниципальных органов власти Республики Дагестан.

Народ не только не знает своей истории и выдающихся женщин, оставивших вклад в истории региона. Утрачены народные предания, сказания, знание народной мифологии. На вопрос «Какое женское божество своего народа или мифический образ Вы знаете?» 72 % ответили, что не слышали об этом. Единицы назвали мифический персонаж *хъарт* — аварскую Бабу Ягу, *гызчаласы* — азербайджанскую девушку, которая бросилась во имя любви с башни, причислили к местной мифологии и Венеру Милосскую, и других богов греческого и римского пантеона.

Никого из выдающихся женщин современного Дагестана респонденты назвать не смогли, ответив «не знаю», «нет такой». Почти единственной, кого массово вспомнили, была поэтесса Ф. Алиева, кто-то назвал Е. Исинбаеву, М. Алиеву.

Важную роль в мировоззрении современных людей играет пропаганда. Народ знает тех, кого чаще слышит, о ком чаще всего говорят. Современная гендерная политика должна учитывать этот факт и больше внимания уделять положительным примерам и заслугам выдающихся женщин региона, популяризировать женщин, оставивших след в истории Дагестана. Пока что в книгах воспеваются красавицы, в СМИ мелькают только деятели культуры и эстрады. Начинать преодолевать гендерные барьеры надо с гражданского и гендерного просвещения.

Счастье для респондентов почти всегда ассоциируется с удачным браком и состоит в первую очередь во взаимопонимании, в гармонии в браке, немалую роль для многих играет и материальная обеспеченность (но предпочтительно в сочетании с двумя вышеназванными составляющими). Также важны для счастья здоровье, семья, дети, гармония во всем, доверие и личная удовлетворенность человека.

В случае, если представление о браке не оправдывается, большинство респондентов предпочитают все равно «жить и терпеть». Многие мужчины и женщины считают, что необходимо приложить все силы к сохранению брака: всегда «возможно что-то исправить». Ответы звучали так: «Постараюсь сохранить брак», «Стану работать над собой и отношениями», «Буду жить и исправлять ситуацию», «Буду стараться улучшить отношения», «Буду решать проблемы посредством общения», «Попробую улучшить состояние», «Можно жить и терпеть, если человек достоин этого», «Постараюсь изменить ситуацию и партнера», «Перевоспитаю жену», «Постараюсь найти компромисс».

С трудом люди готовы согласиться на развод: «Постараюсь исправить ситуацию, буду стараться сохранить семью, если нет, если будет совсем плохо (вообще уж никак), то разведусь». На развод готовы пойти немногие, но для традиционного общества их количество тоже значительно — 34 %.

Сложность общества и трудность преодоления стереотипов и границ подчеркиваются готовностью и изначальной устремленностью вступать в брак по договоренности родителей (у молодежи эта тенденция ослабевает, но более

старшее поколение, особенно женщины, считают этот вопрос важным). Для многих договоренность родителей должна подкрепляться еще и собственным согласием. Это свидетельствует о трудности модернизации общества. Но данный процент уступает числу ориентированных на заключение брака «по собственному выбору» — 64 %.

Традиционное общество придумало еще один способ, чтобы дискриминировать женщину, поставить ее в полное услужение мужчине и подавить ее личность. Это обряд женского обрезания. Согласно полученным результатам, подобная практика существует и подвергаются этому насилию лишённые права на собственный выбор маленькие девочки.

На Северном Кавказе сильна роль женщин в деле контроля над женской сексуальностью: женское обрезание, регулирование поведения, формы одежды, выбор брачного партнера осуществляет сама женщина-мать.

Еще один важный для Северного Кавказа вопрос — внешняя демонстрация и подчеркивание гендерных различий посредством одежды, платка и в последнее время арабской формы одежды.

В светских учреждениях страны, и на территории Центральной России, и на Северном Кавказе, неоднократно поднимался вопрос о женской одежде для мусульман. Поэтому важно знать, имеет ли для населения значение форма одежды, так ли важно подчеркивание внешнего выражения половой принадлежности мужчины и женщины.

Для 60 % опрошенных респондентов форма одежды имеет значение. Кто-то из них отметил, что она должна быть «по ситуации», «не вызывающей». Как выяснилось, не придают значение форме одежды 32 % респондентов. Небольшое число ответивших отметили, что «не должно быть вообще формы».

Еще один показательный вопрос, важный для данной статьи, — чем респонденты руководствуются при выборе спутника жизни. Согласно ответам респондентов, 64 % при выборе партнера (мужа или жены) руководствуются чувствами. Немаловажной оказалась и религия — 28 %. Принадлежность к тухуму (внутриродовой брак) важна для 17 % респондентов. «Взаимопонимание» и «материальное благосостояние» набрали примерно по 10 %. Важными для отвечавших оказались «уважение», «качества характера», «насколько хороший человек», «взаимность чувств». Мужчины больше внимания обратили на «душ», «интеллект», а кто просто пожелал, чтобы была «односельчанка».

Как показали ответы, проблема насилия над женщиной актуальна для республики. Наличие насилия над женщиной подтвердили 56 % респондентов. Об отсутствии насилия заявили 23 % опрошенных. Были и такие ответы: «Актуально насилие вообще», «Насилие здесь, как и везде».

Необходимость программ по гендерному просвещению признают 69 % опрошенных (и вообще «просвещение нашему народу очень нужно»). 23 % считают, что в таких программах нет необходимости.

Уважение к женщине, по мнению большинства, можно привить воспитанием. Но из дополнительных ответов видно, что уважение зависит не от отношения общества к женщине, а от ее личных качеств и заслуг. Ответственными за воспитание уважения к женщине посчитали родители, мужа, важную роль при этом уделив образованию, беседам, обучению, поведению, одежде. «Сама

женщина должна завоевать уважение», «Надо достойно себя вести», быть примером, необходимо осуждение сексизма, внедрение определенных программ.

Проведенное социологическое исследование показало, что существующие гендерные барьеры труднопреодолимы. Наличие множества гендерных проблем, переплетающихся и наслаивающихся друг на друга и на специфику традиционного и религиозного северокавказского общества, делают эти барьеры еще более труднопреодолимыми.

В обществе отсутствует гендерная политика, направленная на разрешение гендерных проблем. Гендерная дифференциация и гендерные барьеры на сегодняшний день не стираются, а напротив — пропагандируются. Женщину лишают прав, принижая ее статус, пропагандируя полигамию, позволяя забирать у матерей детей в вайнахском обществе. Имамы, поддерживая полигамию, не упоминают о важных условиях заключения второго и последующих браков: оглашение брака, возможность достойно обеспечить жен, предоставить им равные условия и, самое главное и невыполнимое, необходимость любить одинаково.

Сами женщины осложняют ситуацию, порой не осознавая своих прав и не желая их. Чтобы преодолеть гендерные барьеры, необходимо реализовывать программы, знакомящие женщин с гендерной историей кавказских народов, осуществляя их гендерное просвещение, работу по ознакомлению с правами человека и ценностью равенства и равноправия.

Библиографический список

1. *Базоркин И.* Из тьмы веков. Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1976. 200 с.
2. *Карпов Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. 414 с.
3. Конституция Российской Федерации. М. : Эксмо, 2012. 32 с.
4. *Сиражудинова С. В.* Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 1. С. 14—19.
5. *Ostrogorski M.* Rights of Women : a Comparative Study in History and Legislation. London : Swan Sonnenschein & Co, 1893.

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.542.21

А. Л. Шишелякина

ФЕМИНИННОСТЬ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА

Российский истеблишмент, состоящий из социально активных акторов, представляющий собой руководящий класс, занимает социально доминирующие позиции в российском обществе, задает ориентиры и тренды развития общественно-политических и социальных отношений. Анализ гендерных дискурсивных практик истеблишмента проявляет представления этого «класса» относительно гендерных стереотипов, ролей, сценариев и в целом гендерного порядка, а в итоге векторов проводимой гендерной и — шире — социальной политики.

Гендерная экспертиза дискурсов политиков, общественных деятелей и различных «элит» проводилась неоднократно. К исследованию данной проблемы обращались Е. А. Здравомыслова и А. А. Тёмкина [5, 6, 7], Н. Л. Пушкарёва [16, 17, 18], О. А. Хасбулатова [23], Т. Б. Рябова [19, 20] и другие. Однако они анализировали прежде всего дискурсы федеральной власти и в меньшей степени обращались к изучению региональной риторики, что на самом деле не менее важно, поскольку политическое пространство, несмотря на его крайнюю централизацию (особенно в последние годы), все же является многоуровневым. В данной статье автор стремится восполнить этот пробел.

На материале Тюменской области предпринята попытка проследить динамику дискурса региональной официальной власти, общественных деятелей и журналистов по проблеме репрезентации фемининности и женских социальных ролей в период окончания 1980-х — первое десятилетие 2000-х гг. для обнаружения дискурсивных противоречий, постсоветской трансформации понимания гендера в общественно-политических и социальных отношениях.

Методологическими основами исследования являются подходы исторический (как подход социальных трансформаций) и гендерный. Их сочетание — эффективный аналитический инструмент для понимания складывания механизмов гендерного неравенства, его воспроизводства и трансформации, а также сопротивления ему в разные исторические эпохи. Используются и конкретно-исторические методы: историко-генетический, сравнительно-исторический и дискурс-анализ.

© Шишелякина А. Л., 2015

Эмпирическую базу исследования представляет официальная пресса 1985—2013 гг., выходящая в Тюменской области, а именно газеты «Тюменский комсомолец», «Тюменская правда», «Тюменские известия», «Тюменская область сегодня». Будучи официальными, они отражают дискурсы истеблишмента области, что и составляет предмет исследования. В указанных изданиях отбирались все публикации, посвященные проблеме репрезентации женственности и вообще «женского», число которых составило более 1500.

Основными параметрами анализа публикаций являлись: дата, информационный повод ее появления, автор статьи (или высказывания), основные проблемы, собственно дискурсы и ключевые слова. Для работы с прессой составлялась аналитическая база данных, в которой соотносились хронологические периоды и дискурсы региональной элиты, что и позволило выявить дискурсивную динамику и проследить взаимосвязи.

На излете советского времени, в связи с изменением общественно-политического климата (начало перестройки и политики гласности), докладом М. С. Горбачёва на XXVII съезде КПСС [4, с. 73], а затем и первого секретаря Тюменского областного комитета КПСС Г. Б. Богомякова [2, с. 3], проблематизация фемининности была подхвачена региональным истеблишментом. В соответствии с тематикой, задаваемой партийными документами, в Тюмени были проведены конференции «Задачи советов женщин в свете решений XXVII съезда КПСС» и «Семья в современных условиях развития тюменского региона: проблемы, поиски, решения», которые освещались в СМИ. Эти события привлекли внимание официальных лиц, общественных деятелей и журналистов к женской тематике.

Общественные деятели обращались к исследуемому сюжету в контексте вопросов о воспитании детей, об особенностях семейных и супружеских отношений («половой морали»), о беременности, абортах и др. Также обращалось внимание на взаимоотношения поколений: матерей и дочерей, свекровей и невесток. В конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда социальная политика страны не была эффективной, остро обсуждался вопрос социальной защиты материнства и многодетных семей. Актуализированной в общественном сознании была и тема совмещения женщинами ролей матери и работницы, возникающих в этой связи гендерно-ролевых конфликтов, инфантильности мужчин. Важно, что в публикациях, комментариях общественных деятелей женская тематика всегда рассматривалась в контексте семейных отношений. Практически не встречалось публикаций, поднимающих женскую или семейную тему как самостоятельную.

Посредством областной прессы общественные деятели в конце 1980-х гг. конструировали преимущественно традиционные образцы фемининности: «Я хочу, чтобы девочкам прививали женственность, чтобы они готовились стать матерями, хозяйшками, воспитывали то, для чего предназначены» (методист Дома культуры) [10, с. 3]. Женственность, таким образом, связывалась с внешней привлекательностью и, непременно, с выполнением социальных ролей внутри семьи: матери, супруги, хозяйки. Кроме того, эти традиционные для женщины роли дополнялись производственной нагрузкой: «...многие ли разговаривают со своими дочками о том, какими они даже на производстве должны оставаться красивыми, жизнерадостными и женственными...» (председатель

профкома СПТУ № 28) [12, с. 3]. Общественные деятели, как и официальные, транслировали нормативные образы женщин — «работающих матерей», соответствующие этакратическому гендерному контракту, доминировавшему в рассматриваемый период. Вместе с тем необходимо отметить наличие (особенно к концу 1980-х гг., после объявления политики гласности) критического отношения к контракту «работающей матери»: «Мы перестали замечать, что многие наши женщины делают далеко не женскую работу, да еще несут на своих хрупких плечах груз не только производственных, но и общественных, и домашних забот...» (кандидат в народные депутаты СССР от женсоветов) [24, с. 3].

Наряду с традиционным дискурсом к концу 1980-х гг. существовал и дискурс равенства. Кандидат в народные депутаты Тюменского городского Совета В. Никитина в ответ на письмо А. Доморощиной «На кухню, а не в президиум», опубликованное в «Тюменской правде», писала следующее: «Не могу согласиться... что не должно быть слышно голоса женщины в общественно-политической жизни, в представительных органах. Пока что остается фактом: мужчины (а их большинство во всех эшелонах власти) не обеспечивают улучшения жизни людей, и прежде всего нас, женщин... Не очень-то сильный пол, засевши у нас в Тюмени в горкоме, исполкоме, депутатском корпусе, в руководстве главков и управлении, заботится о женщинах и детях...» [22, с. 3]. Этот дискурс, расширяющий социальные и политические возможности женщины, был сопряжен с критикой отдельных элементов существовавшего политического режима.

Пресса того времени отражала отношение общественных деятелей к ненормативным образам женщин, к их ненормативному поведению. Во-первых, за границу нормы выводилась «мужеподобная» женственность. Во-вторых, стигматизации подвергались женщины, отказывающиеся от воспитания детей и в целом от выполнения роли матери. Так, в одной из статей «Тюменской правды», где обсуждалась ситуация финансирования Тюменского детского дома, приводится мнение ветерана Великой Отечественной войны Чеглакова о женщинах, оставляющих детей в детских домах: «Ничья любовь не заменит родительскую. Сироте без родителей легче перенести свое горе... Сирота при живой матери, которая родила и ушла, с самого детства несет на себе заряд злости... Я целиком и полностью поддерживаю тех, кто выступает против детского фонда. Где нужно, где не нужно — всюду используют имя В. И. Ленина. Да, Владимир Ильич любил детей, но он наложил вето на проституцию. А мы взялись бесплатно воспитывать детей, которых на наших глазах бросают проститутки. Разве это не прямое поощрение безответственности?» [15, с. 3].

Журналисты же поднимали интересующую нас проблематику в контексте социальных проблем: состояния родильных домов; трудностей получения социальных льгот, пособий многодетным семьям; «кризиса» семейных отношений (ранняя беременность, аборт, девальвация маскулинности и разводы). Были и публикации, которые обращались к «женскому» сюжету как самостоятельному. В них журналисты сообщали об общественной, профессиональной деятельности своих героинь, их успехах, а также печатали «полезные советы» по домоводству, уходу за собой и пр.

Поводами для обращения к этому вопросу были различные события в стране и области, например конференции, спортивные соревнования, показы

Тюменского Дома мод, конкурсы красоты и материалы, приуроченные к календарным датам (8 Марта, Новый год) и др.

В позднесоветский период нормативная фемининность в публикациях журналистов конструировалась через создание/поддержание соответствующего образа, подкреплявшееся фобиями утраты женских качеств и ролей: «...не кажется ли вам, что все реже мы называем женщин “слабым полом”? Ведь как они закалены во всевозможных житейских передрыгах!...» [25, с. 1]. Причиной тому называлось участие женщин в трудовых, производственных отношениях: «Согласитесь, мы привыкли видеть в женщине прежде всего труженицу, а уже затем мать» [13, с. 1]. Вместе с тем образ успешной советской женщины — труженицы, работницы, совмещающей свою деятельность с домашними и бытовыми заботами, — был весьма расхожим среди журналистов, что иллюстрировало комплементарность их деятельности по отношению к официальной риторике и гендерному контракту «работающей матери».

Существовали и публикации журналистов, направленные на разрушение сложившихся традиционных укладов. Это материалы о «половом просвещении», контрацепции, абортах и их последствиях. «Что нам говорили о профилактике беременности? Если разобраться — пустые фразы, от которых ни врачам, ни женщинам ни тепло ни холодно! Аборт, дескать, — это очень плохо, если нет, как минимум, троих детей, а лучше пятерых. После пятерых аборт — уже совсем неплохо!» [8, с. 3]. В публикациях, конечно, присутствовала риторика равенства, сопряженная с критикой отдельных элементов политического режима. Однако, в отличие от общественных деятелей, журналисты оставляли за пределами своего рассмотрения вопросы равного участия женщин и мужчин в общественной и политической жизни страны, равного доступа к реализации в этих сферах.

Среди отобранных материалов журналистов позднесоветского времени велико число тех, где использовались негативные ярлыки в отношении женщин, их поведения. Во-первых, журналисты не напрямую, а опосредованно обвиняли женщин, живущих с мужчинами, страдающими алкоголизмом, применяющими физическое насилие в отношении женщин и детей. Во-вторых, негативная коннотация использовалась применительно к женщинам, отказывавшимся от выполнения материнской роли, например оставляющим детей в родильных домах или приходящим на аборт.

С изменением политического режима в стране, децентрализацией политической власти оформился региональный официальный дискурс. В 2000-х гг. его основными акторами были: губернатор Тюменской области (до 2005 г. С. С. Собянин, затем по настоящее время В. В. Якушев), вице-губернатор (С. М. Сарычев), заместители губернатора, мэры г. Тюмени (С. М. Киричук, Е. В. Куйвашев, А. В. Моор), руководство Тюменской областной думы (С. Е. Корепанов). Они обращались к женской теме в первую очередь в связи с праздниками: 8 Марта, Днем матери (с 1998 г.), Днем семьи, любви и верности (с 2008 г. известном в православном календаре как День Петра и Февронии). С 2006 г. сюжеты о «женском» поднимались официальными лидерами, в том числе в контексте обсуждения и реализации федеральных и областных программ по укреплению института семьи, поддержке материнства, улучшению демографической ситуации.

В речевых конструкциях первых лиц области женщины были представлены в комплементарных по отношению к мужчинам ролях — матери, жены, сестры, подруги, оказываясь объектом/субъектом для вдохновения и поддержки мужчины: «...дорогие наши мамы, жены, дочери, сестры! <...> С давних времен и до наших дней женщина остается олицетворением красоты, милосердия, терпения, любви, символом жизни. Вы храните семейный очаг, дарите новую жизнь, растите детей...» [11, с. 2]. Другая женская ипостась, репрезентируемая чиновниками, — работающая мать: «...стремясь обеспечить достойную жизнь своих детей, женщины работают на производстве, активно занимаются общественной деятельностью, искусством, делают научную или политическую карьеру. Но при этом вы всегда остаетесь для своей семьи доброй и понимающей хранительницей домашнего очага...» [26]. Таким образом, официальные лица воспроизводили традиционный дискурс.

Общественные и религиозные деятели, преподаватели вузов, исследователи обращались к женской тематике по случаю календарных праздников, публичных мероприятий (гражданский форум, круглый стол), конкурсов («Женщина-директор года», «Современная. Сильная. Совершенная. Руководительница»).

До 2004—2005 гг. общественные деятели в отношении женской тематики, отраженной в СМИ, все еще сохраняли дискурсивное разнообразие: репрезентировались и равноправные, и традиционные парадигмы. Равноправная риторика транслировалась зачастую общественницами (ученые и общественные деятели) поколения 1990-х гг. Содержание этой риторики было наполнено идеями о переходе от юридического равенства к фактическому, о равном участии женщин и мужчин в политической сфере общества, о социальных гарантиях женщин, участвующих в социально-экономической жизни (нормирование рабочего дня для беременных женщин, а также соблюдение трудового законодательства в отношении женщин, уходящих в декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком). «...Равное представительство мужчин и женщин во власти и при принятии государственных решений есть основной ключ к решению общественных проблем...» [3, с. 1], — отмечала, к примеру, профессор С. Моор на одном из публичных мероприятий.

Традиционные взгляды репрезентировались через контракт «работающей матери», который также поддерживался общественницами: «...благодаря своей природной мягкости, милосердию, терпению и выдержке женщины могут внести неопределимый вклад в процесс принятия решений главных общественно-политических, социально-экономических, законодательских задач. Мы не собираемся перекладывать на плечи мужчин то, что предназначено нам тысячелетиями: хранить домашний очаг, воспитывать и растить детей, вдохновлять мужей...» [1, с. 8].

В период 2006—2009 гг. большая часть материалов, посвященных феминности, была сопряжена с проблематизацией семейных и этнонациональных отношений.

После 2006—2007 гг., в связи с Посланиями Президента и его региональным вариантом — посланием губернатора Тюменской области, были артикулированы демографические проблемы, решение которых связывалось

с повышением рождаемости и укреплением института семьи. Вместе с институционализацией религии и взвешенной этнонациональной политикой Тюменской области доминирующую роль занял традиционный дискурс. В информационном пространстве Тюменской области на пересечении таких тем, как демография, семья, религия и этнос, оказалась женщина вообще и ее сексуальное поведение и репродукция. С увеличением этнизации социальных отношений и деятельностью националистических организаций к 2010—2012 гг. в отношении женщин проявлялась даже не традиционная риторика, а биологизаторская! «Русы, храните нравственную славянскую чистоту. Расовая и нравственная чистота — залог красивых и здоровых детей» — обращение (призыв) на фотографии, где изображена молодая женщина, держащая младенца [21].

Нами не выявлено в публикациях общеобластной прессы явной стигматизирующей риторики общественных деятелей в отношении женщин. Однако, по сравнению с позднесоветским периодом, более четко оформилось, устоялось представление о нормативной женственности.

Журналисты в 2000-х гг. обращались к проблеме реализации женщины в профессии: особенностям женской успешности, предпринимательства и менеджмента, а также совмещению профессии и семейных обязанностей. С 2006 по 2007 г. значительно увеличилось количество публикаций о материнстве, выполнении социальных программ, поощряющих рождаемость (материнский (семейный) капитал), а также национальных проектах, имеющих отношение к поддержанию института материнства и семьи. Важно обратить внимание, что с этого же времени появляются материалы, посвященные укреплению данного социального института в различных этнонациональных группах — русских, татар, чувашей и др. Поводами, инициирующими публикации журналистов о «женском», являлись, как и ранее, календарные даты, различные мероприятия, а также Послание Президента, в котором обозначался тренд, направленный на стимулирование повышения рождаемости и укрепление института семьи, и послание губернатора, в котором намечались механизмы реализации этих мер и программ на областном уровне. Стоит отметить, что в «Тюменской правде» в 2000-х гг. появились новая рубрика «Он и Она» и отдельные номера газет, где обсуждались особенности взаимоотношений мужчин и женщин, супружеских и семейных отношений.

Дискурсы журналистов отличались разнообразием. С одной стороны, их риторика поддерживала традиционный официальный и общественный тренд. В прессе встречались публикации, объективирующие внешность женщин. По-прежнему наиболее значимой социальной ролью женщины представлялась материнская. Образ матери конструировался посредством материалов о благоприятном возрасте для беременности и родов, о психоэмоциональном состоянии во время вынашивания ребенка, о его рождении и воспитании. Публикации репрезентировали образы работающих и многодетных матерей.

Паритетная риторика использовалась значительно реже. Журналисты через призму равенства иллюстрировали образы женщин, добившихся успехов в профессии: «Сегодняшние женщины стремятся сделать свой собственный, осознанный выбор. Они добиваются успеха в политике и бизнесе наравне с мужчинами. Это женщины, которые заявляют о себе с достаточной определенностью» [9]. Дискурс равенства в некотором смысле распространялся

и на семейные отношения и быт. Встречались публикации о смене ролей, трансформации всего гендерного порядка: «Разве еще лет двадцать назад могло кормильцу семьи прийти в голову, что однажды его благоверная заявит: “Сиди-ка ты, милый, лучше дома с детьми, а я буду делом заниматься”. Разве считали бизнесмены каких-то там бизнес-леди серьезными партнерами?» [14]. Интересно также и то, что женские образы помещались в несвойственный ранее контекст: говорилось об участии женщин в Великой Отечественной войне, работе в правоохранительных органах и пр.

В целом в дискурсах журналистов в 2000-х гг. негативных коннотаций в отношении женщины и семьи не прослеживалось.

Итак, дискурсы истеблишмента Тюменской области трансформировались почти за три десятка лет причудливо и сложно.

Официальные лица Тюменской области и обслуживающие их журналисты на протяжении исследуемого периода повторяли сформулированное политическим руководством страны и Тюменской области. При этом, справедливости ради, стоит сказать, что дискурсы общественных деятелей отличались некоторой вариабельностью. Если в выступлениях высшего руководства звучали лишь обоснования традиционного гендерного контракта, то на местах транслировались и фрагменты паритетной концепции семейных отношений, ориентированных на гендерную симметрию.

Некоторые общественные деятели вплоть до начала 2000-х гг. осмыслили гендерные отношения с позиции равенства, что характеризовалось их призывами к созданию для женщин равных возможностей с мужчинами в политических и социально-экономических отношениях. Но с конца 1990-х и особенно в 2000-х гг. в риторике практически всех деятелей общественной сферы доминировал традиционный дискурс. В прессе мощно зазвучали призывы к женщинам возрождать свои «природные» качества, материнство вновь стало рассматриваться в терминах биологического предназначения женщины и сквозь призму его первостепенной значимости для реализации в семье и обществе. Указанный дискурс поддерживался Русской православной церковью и русскими общественными организациями, нацеленными на возрождение «всего национального». За пределы нормативности с конца 1990-х гг. оказалась вынесена «мужеподобная» женственность, отказ женщин от воспитания ребенка (детей) и соответственно концепция «чайлд-фри», отложенное родительство и сознательный отказ от выполнения роли матери. В начале 2000-х гг. эти темы поднимались в прессе все реже и общим подходом стало непривлечение внимания ко всему, что вырывалось за пределы традиционных предписаний.

Доминирующим дискурсом журналистов Тюменской области на протяжении изучаемого периода был традиционный. Постсоветский консервативный дизайн их статей строился на идее о том, что забота о домочадцах — главный смысл жизни женщин, в то время как их профессиональная занятость изображалась как опциональная. Лишь единичные публикации, рассказы об успешных в социальном плане женщинах, отличались ориентацией на гендерное равенство. Зато в те же самые годы во множестве статей материнская идеология (она же идеология «традиционных ценностей») фактически закрепляла

за женщинами двойную нагрузку как «данную от природы необходимость». Женщины, откладывая родительство, отказывающиеся сознательно от материнства (делавшие аборт, оставлявшие ребенка в детском доме в силу недостаточности заработка и отсутствия социальной защиты и поддержки), а также незамужние, карьерно-ориентированные женщины оценивались как декомпенсированные в личном плане, замещающие семейный уют успешностью вне дома. Получалось, что в любом случае вопрос упирался в проблему совмещения профессиональной занятости и семейных обязанностей. Отдельные прогрессивно мыслящие журналисты не определяли общественных настроений в регионе в целом, но их голос все же имел значение для выработки представлений о нормативной женственности. От явной стигматизации женской успешности, осуществляемой в конце 1980-х, дискурсы истеблишмента отказались в 2000-х гг. и в конечном счете пришли к замалчиванию проблемы, отодвиганию ее в число неприоритетных.

Библиографический список

1. *Ахметшина А.* Когда наступит женская эпоха? // Тюменская правда. 2001. № 13. С. 8.
2. *Богомяков Г. Б.* Итоги работы XXVII съезда КПСС и задачи областной партийной организации, вытекающие из его решений : доклад первого секретаря Тюменского обкома КПСС // Тюменская правда. 1986. № 75. С. 3—4.
3. Гендерный баланс и социальная справедливость // Тюменские известия. 2004. № 42. С. 1.
4. *Горбачёв М. С.* Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС // Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. URL: <http://soveticus5.narod.ru/85/yxxvii.htm> (дата обращения: 07.02.2013).
5. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(н)ственности. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432—452.
6. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 304. С. 299—321.
7. *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 186—197.
8. Извольте... аборт? // Тюменский комсомолец. 1989. № 135. С. 3.
9. Какая она, женщина-лидер? // Тюменская область сегодня. 2009. URL: <http://www.tumentoday.ru/2009/01/14/> (дата обращения: 03.03.2013).
10. *Карповцева Д.* А если мужчины не справляются? // Тюменская правда. 1990. № 93. С. 3.
11. *Киричук С. М.* Поздравление с 8 Марта // Тюменская правда. 2005. № 39. С. 2.
12. *Космачёва З.* Как живешь, женсовет? : хозяйский разговор // Тюменская правда. 1987. № 182. С. 3.
13. Между нами говоря // Тюменская правда. 1988. № 56. С. 1.
14. Не львица и не кокетка // Тюменская область сегодня. 2009. URL: <http://www.tumentoday.ru/2009/03/19/> (дата обращения: 03.03.2013).
15. Поощрение порока // Тюменская правда. 1988. № 256. С. 3.
16. *Пушкарёва Н. Л.* Где больше власти — там меньше женщин : (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ, 1991—2006 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 5, вып. 1.

17. *Пушкарёва Н. Л.* Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2613> (дата обращения: 05.01.2015).
18. *Пушкарёва Н. Л., Пушкарёв А. М.* Ранняя советская идеология 1918—1928 гг. и «половой вопрос»: (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920—1930-х гг.: идеология и повседневность / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова; ЦСПГИ. М.: Вариант, 2007. С. 199—228.
19. *Рябова Т. Б.* Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: история и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4. С. 19—26.
20. *Рябова Т. Б., Рябов О. В.* Настоящий мужчина российской политики?: (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Политические исследования. 2010. № 3. С. 289—294.
21. Страница тюменского русского националиста. URL: <http://vk.com/id21193509> (дата обращения: 17.05.2012).
22. Тюменская правда. 1990. № 93. С. 3.
23. *Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 17—24.
24. *Шульдешова В. А.* Женский вопрос нужно решать: интервью // Тюменская правда. 1989. № 48. С. 3.
25. Этот сильный слабый пол // Тюменская правда. 1988. № 57. С. 1.
26. *Якушев В. В.* Поздравление с Днем матери // Тюменская область сегодня. 2011. URL: <http://www.tumentoday.ru/2011/11/26/> (дата обращения: 27.02.2013).

ББК 60.561.9

Е. М. Колесникова

ПЕРСПЕКТИВЫ (ДЕ)ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ-ДОШКОЛЬНИКАХ: ГУВЕРНЕРЫ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА

В России сегмент услуг по присмотру, уходу за детьми дошкольного возраста и их воспитанию представлен довольно разнообразно. В советский период он включал в основном государственный сектор (довольно развитая сеть государственных и ведомственных яслей и детских садов) и неформальный частный сектор (в основном труд самой матери и/или с привлечением родственниц — бабушек, тетушек и др.). В современный период соприсутствуют государственные и частные, формальные и неформальные услуги. Они объединяют широкий диапазон предложений на базе дошкольных образовательных организаций (от классических государственных и частных детских садов до групп развития) и индивидуальных услуг специалистов (няни, гувернеры, узкие педагоги и др.).

© Колесникова Е. М., 2015

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-03-00490 «Процессы актуального российского рынка услуг дошкольного образования».

В статье представлен анализ проблематики гувернерства как части профессиональной группы педагогов дошкольного образования. Профессиональная группа рассматривается в неовеберианской концепции как корпоративный актер, а ее профессионализация — как процесс увеличения объема властного, экономического и культурного ресурсов с целью улучшения положения на рынке труда [5]. В 2013 г. эта часть проекта включала проведение экспертных интервью с практикующими гувернерами в гг. Москве и Самаре (N = 5), а также интервью со специалистами, преподающими в государственных учреждениях педагогического образования Москвы предмет «Домашнее образование» (N = 3). Данные экспертного опроса позволяют выделить значимые элементы, которые отражают сложившиеся тенденции и задают перспективы развития.

Для мирового опыта наиболее распространенным является анализ проблематики труда по заботе о дошкольниках и их образованию в рамках гендерного и феминистского направлений, а также в связи с социальной политикой обеспечения равенства. Исследования указывают на сочетание в этой проблематике таких параметров, как высокая доля активностей, связанных с заботой, в содержании труда, женщины в кадровом составе и низкий заработок (см., напр.: [15, 20, 21]). Интерес представляет анализ перспектив государственного участия в секторе для выравнивания доступа к качественным услугам вне зависимости от уровня дохода семьи (см., напр.: [27, 30]), а также проблематика увеличения гражданских трат на эти услуги и условий их поддержания (см., напр.: [29, 35]), чему противостоит проблема социального неравенства [35].

В рамках отечественных исследований стоит говорить скорее об анализе проблематики в рамках педагогики (см., напр.: [1, 2, 10]) и изучении профессий, связанных с уходом за детьми-дошкольниками [3].

Структура сектора и кадровый состав гувернерства как профессиональной группы

Система дошкольного ухода и образования в мире представлена различным сочетанием государственных, частных, общественных и добровольческих услуг и отражает национальный контекст и цели государственной политики каждой страны (поддержка женской занятости, стимулирование рождаемости, социальное выравнивание) [32]. В России в конце 90-х гг. государственная система дошкольного образования переживала серьезнейший кризис, воплотившийся в закрытие практически половины дошкольных образовательных учреждений и масштабное сокращение педагогических кадров, функционировавших в советское время. Если в 1991 г. сектор дошкольного образования в России был представлен 87 600 дошкольными образовательными учреждениями, то в 2001 г. — 51 329, а в 2010 г. — 46 160. И если в 1991 г. в них трудилось 993 900 педагогических работников, то в 2001 г. — уже 605 300, а в 2010 г. — 605 084. Также радикально изменился и охват детей дошкольного возраста государственной и ведомственной системой дошкольного образования. Так, в 1991 г. данный сектор посещало 8433 тыс. детей, в 2001 г. — 4263 тыс., а в 2010 г. — 5204,5 тыс. [6, 7, 8]. Но при этом новый толчок к развитию получил

частный сектор дошкольного присмотра, ухода и образования, и сегмент гувернерства в частности, не только с точки зрения спроса, но и с позиций предложения педагогических кадров.

Доступ к этой услуге принципиально связан с проблематикой социального расслоения населения и платежеспособного спроса. Опыт стран, в которых исторически был наиболее развит частный сектор услуг заботы о дошкольниках, присмотра за ними и их образования (Великобритания, Западная Германия и США), свидетельствует о преимущественном отнесении этих вопросов в общественном дискурсе к категории частной семейной жизни и решению их за счет гендерного разделения труда и частичной занятости матери [22, 25, 26]. Принципиальной становится готовность семей тратить все большую часть своего бюджета на услуги заботы о детях и их образовании [31].

В данном случае значимым фактом является отсутствие общепринятого набора требований, обеспечивающих доступ в профессиональную группу и доступ к практике. Это делает весьма размытым и зависимым от образовательной стратегии семьи набор факторов, дифференцирующих структуру спроса, что, в свою очередь, способствует сильному расслоению профессиональной группы.

...Рынок очень и очень размыт. Скорее, сегодня он представлен либо непрофессионализмом, либо небольшой прослойкой тех, кто знает себе цену (преподаватель педагогического колледжа).

Когда люди говорят, что им нужен гувернер, то они всегда подразумевают совершенно разные вещи. Им всегда нужны совершенно разные люди (практикующий гувернер).

Концентрация гувернерства в рамках частного сектора связывает его с вопросами занятости матери и доходом семьи. В мировой практике именно доход является принципиальным основанием вариативности поведения семей с точки зрения потребления услуги заботы, присмотра и образования в отношении детей-дошкольников (см., напр.: [14, 24]). Активное привлечение оплачиваемого институционализированного труда к заботе о детях наиболее характерно для группы обеспеченных родителей (см., напр.: [37, 38]).

Эта же ситуация прослеживается и в России. Безусловно, само существование и развитие гувернерства как профессии связывается (не только в прошлом, но и в настоящем) с социальными группами с высоким статусом и уровнем дохода, с желанием и возможностью поддержки статусной стратегии потребления образовательных услуг. Ориентация на индивидуальное дошкольное образование, специалистов — носителей знаковых культурных ресурсов (например, педагогов-иностранцев или с аналогичным уровнем иностранного языка) способствует повышению общественного признания и коммерческой успешности этого сегмента.

Если говорить о современном понимании вопроса, то в 90-х годах пришла демократизация, вышел закон об образовании, который открыл широкие двери частному предпринимательству, созданию частного сектора, и вновь вопрос гувернерства стал актуальным. Возник потребитель, когда появился класс собственников, когда появились желание и возможность дать своим детям особое воспитание, а не отдавать их в массовый детский сад и школу, иметь все дома (преподаватель педагогического колледжа).

Это дорогая услуга. Сейчас есть спрос, хотя таких объявлений и немного, на гувернера из Великобритании, тех, кто «с языком». Тогда семья оплачивает визу, прилет, проживание, заработная плата такого гувернера около 150 тыс. рублей в месяц. Это явно, что они планируют, что их ребенок будет жить не в России. Приглашают, чтобы это был чистейший английский язык, произношение, навыки определенные, готовят его совсем для другой жизни (практикующий гувернер).

Исследования европейского опыта свидетельствуют, что для семей с низким доходом увеличение стоимости услуги ведет к переключению на неформальную и нелегальную заботу [14]. Это стимулирует снижение качества услуги за счет сокращения и удешевления кадрового состава, например притока мигрантов в данную сферу занятости [13, 19, 40]. В анализе истории оплачиваемого труда-заботы в США отмечается, что белые женщины отказываются от сферы занятости, связанной с заботой и образованием детей-дошкольников, как только другие сферы занятости становятся для них доступны [18]. Социологи К. Стэллард, Б. Эренрайх и Х. Шкляр [36] в исследовании бедности и ограничений профессиональной карьеры женщин в Америке вводят термин «гетто розовых воротничков» (обслуживающий/заботящийся труд), по аналогии с «синими воротничками» (физический труд) и «белыми воротничками» (умственный труд). К этой группе профессий они отнесли, в частности, и воспитателей.

В отношении России можно видеть совершенно аналогичную ситуацию не только с расслоением спроса, но и самой профессиональной группы, с доминированием не специалистов и прекарризацией трудовых отношений работающих в сегменте с низким ценовым предложением. Это и мигранты из ближнего зарубежья и бывших республик СССР, и студенты педагогических учебных заведений, и работники государственного сектора дошкольного образования. Если для мигрантов данный вид деятельности является основным, то для других категорий это скорее частичная занятость (совмещение, подработка в свободное время).

Гувернеры — это студенты; те, кто уже воспитал своих детей, люди предпенсионного возраста, которые устали от массового детского сада или школы, и третьи — это те, кто работают в государственной общественной системе и во время отпуска подрабатывают. Это воспитатели или работники дополнительного образования (преподаватель педагогического колледжа).

Феминизация гувернерства как женской профессиональной заботы о детях-дошкольниках и их образовании

Другим фактором, существенно определяющим кадровую структуру профессиональной группы и ее статусные показатели, является проблематика феминизации дискурса и практики заботы о детях-дошкольниках. Ее воздействие на понимание того, кто должен и может работать в этом секторе, весьма значимо.

Исследования, выполненные в рамках гендерного анализа, свидетельствуют, что эта работа не только выполняется в основном женщинами, но и нормативно трактуется как «женское дело» [17, 34]. Гендерный аспект

института заботы о детях просматривается и в трактовке различий в социальных обязательствах в отношении заботы для мужчины и женщины [33, 29], которые перерастают в различия паттернов занятости и профессиональных выборов [29]. Обязательства заботы о детях по-разному включены в опыт мужчины и женщины. Именно женщина сталкивается с большим давлением общественных представлений, связывающих ее с ней [11, 23, 28, 39]. Как результат — оплачиваемая забота и воспитание детей как труд являются женской сферой занятости и ее выбор в качестве профессиональной занятости трактуется как естественный для женщины [16].

Российская действительность и отечественные исследования свидетельствуют об аналогичной ситуации. По статистическим данным, Россия относится к категории стран с самой высокой долей женщин в сфере дошкольного образования (99 %) [9]. Мы также сталкивались с принципиальным объединением гендерного и профессионального дискурсов в представлениях педагогов дошкольного образования [4].

...Как была эта профессия женской, так и остается... (преподаватель педагогического колледжа).

Воспитательный труд в целом и гувернерство в частности имеют сильную символическую связь с женственностью и материнством. Естественная связь материнства — заботы — профессионализма в воспитательном труде является важным основанием для допуска к практике, символическим и коммерческим маркером профессиональной состоятельности.

...Наличие своих детей важно, хотя никого не интересует, какой это был опыт. Просто наличие является для окружающих неким опытом, который, как кажется работодателям, может быть основанием к тому, что этот человек может быть допущен к детям... является некоей гарантией. <...> Это как пропуск: «Я такой же, как Вы, мы с тобой одной крови. Я знаком с детьми, детскими болезнями, знаю, как это сложно». Все же себя позиционируют: «Я хорошая мать, успешная, следовательно — мне можно доверять». Так проще найти работу (преподаватель педагогического колледжа).

Несмотря на тот факт, что собственная практика материнства гипотетически может осложнять эффективное исполнение профессиональных обязанностей, она крайне востребованна. Работник-женщина в данном случае сталкивается с ситуацией возможной утраты контроля над значимыми характеристиками своей жизни вне профессии, связанными с исполнением своих собственных материнских обязанностей, — возможностью распоряжаться личным временем и пространством.

Тем, у кого нет своих маленьких детей, семьи, кто свободный, тем проще. Они более мобильны. Часто ведь звонят вечером и говорят: надо остаться на ночь, потому что родители решили не ночевать, остались в гостях, ужинают допоздна где-то или на работе. Человек, имеющий мужа и детей, вряд ли радостно и легко согласится (практикующий гувернер).

Символический капитал гувернерства как профессиональной заботы о детях-дошкольниках и их образовании

Вынужденная концентрация услуги в частном секторе ведет к превалированию мнения клиента, родителей детей в оценке профессии. Именно их представления о сути данной профессии, содержании труда становятся доминирующими характеристиками, а не внутрикорпоративные стандарты научного знания. Сами специалисты трактуют всю непосредственную практику заботы как образовательную деятельность, что дает возможность дистанцироваться от профессиональных функций, ориентированных в основном на присмотр и уход (няни).

Няня ориентирована на уход и чаще всего на детей совсем раннего возраста. У них чаще спрашивают наличие медицинского образования, что оправданно. Гувернер связан с образовательной деятельностью, если это уход, то тот, который связан с образованием. Например, закаливание, обучение гигиеническим процедурам. Уход не тот, что я выстирала ему рубашку и приготовила кашу. Даже в младенческом возрасте может быть не только уход, но можно проводить специальные игры, заниматься особыми занятиями по развитию активной речи, но здесь ухода больше в силу того, что длительность бодрствования значительно короче, чем длительность сна. Чем старше ребенок, тем меньше ухода, потому что мы переносим это скорее в плоскость обучения самообслуживанию. Например, правильно и аккуратно есть, пользоваться ножом и вилкой. Но это тоже образовательная деятельность. Там есть трудовое обучение — поливать цветы, ухаживать за комнатными растениями, самообслуживание — стирать свой носовой платок. Это образовательная деятельность, а не уход в чистом виде (преподаватель педагогического колледжа).

Позиция же клиента (родителей) о сфере обязанностей и компетенций гувернера определяется не научными знаниями, а собственными повседневными представлениями о данном труде. В этом случае концентрация в общественном сознании вопросов воспитания в рамках обыденных гендерных контрактов дает основание для их перенесения на сферу профессионального труда. Совмещение в родительской/материнской практике вопросов заботы, ухода и образования дает основание на подобное совмещение обязанностей в работе гувернера.

...На тебя хотят свалить все: убирать квартиру, ходить по магазинам, готовить еду, воспитывать детей, т. е. ты и домработница, и гувернер в одном флаконе (практикующий гувернер).

Подобная ситуация снижает символический капитал профессии и рыночную стоимость услуги, особенно в ее массовом секторе. Необходимо учитывать тот факт, что стоимость услуги гораздо более очевидная величина, чем ее качество. Это сложная и требующая индивидуальной оценки работа. Услуга оказывается ребенку, а не тому, кто за нее платит (родителю). Выгоды от потребления услуги и само качество услуги как таковые неочевидны и неоднозначны. Они и требуют оценки в рамках научной экспертизы, но в реальности оцениваются в рамках повседневных представлений потребителей (родителей).

Экономисты обращают внимание на тот факт, что труд в секторе интеллектуальных услуг обычно самый дорогой в экономике. Практически невозможно

поднять его производительность количественно и весьма сложно измерить качественно. Это закономерно отражается в цене и в ее поддержании исключительно за счет покупательской способности потребителя (государство или родители) [12].

В свою очередь, реальный спрос не всегда готов принять теоретическую высокую стоимость услуги заботы, ухода и образования в отношении детей-дошкольников, о чем мы уже говорили выше. В результате повседневные представления непосредственного нанимателя диктуют ситуацию на рынке оплаты труда и стимулируют выравнивание его стоимости и общее снижение в тех сегментах, где принципиально отсутствует «статусный» элемент потребления.

...Цена практически одинаковая как для девочки, которая просто встретила ребенка из школы, привела его домой, накормила вами же приготовленным обедом и отвела его в спортивную секцию, так и для специалиста, который знает методики, узнает ваши предпочтения, поедет с ребенком в музей, проведет экскурсию, позанимается развивающими играми, поучит этикету во время еды, поиграет и в это время будет развивать воображение. И тот и другой выставляют за свои услуги 250 рублей. Один просто караулит и сопровождает, а другой будет работать (преподаватель педагогического колледжа).

Трансформация трудовых отношений в связи с изменениями в стратификационном порядке

Локализация практики в частной сфере и пространстве семьи работодателя, а также фактически полное отсутствие внешней институциональной принадлежности гувернера как работника сектора дошкольного образования делает трудовые отношения исключительно индивидуализированными. Сама профессиональная лояльность ставится респондентами в прямую зависимость от опыта трудовых отношений.

Многое зависит от того, каков был первый опыт работы. Если попал в хорошую семью и тебя ценили в семье, был составной частью семьи, то хочется работать еще. Это не только уважение, но и чтоб платили хорошо, важно, чтоб работать было удобно, чтоб не мешали, в комнату не заходили, не указывали, чтоб игрушки были... много, что важно... чтоб не унижали тебя... (практикующий гувернер).

...Гувернера могут рассматривать не только как равного, но и как человека, который вправе указать на ошибки, высказать рекомендации, т. е. могут прислушиваться к нему, тогда люди хотят работать (преподаватель педагогического колледжа).

При этом данный сегмент труда трактуется респондентами как сфера, в которой минимально представлены традиционные институты защиты прав профессионала, такие например, как профсоюз, трудовой коллектив и др. Усугубление ситуации изоляцией в приватном пространстве дома также способствует поддержанию неравенства. Возможность распространения представлений работодателей (родители) о социальном неравенстве на пространство практики гувернера может быть предотвращена формализацией трудовых отношений, что реально только при изменении ситуации на данном рынке труда в целом.

Когда мама вообще не встречается с гувернером, а говорит: «Я вижу вас два раза, первый раз, когда принимаю на работу, а второй тот, когда буду вас увольнять», ребенок начинает вести себя так, как показывает мама, по ее образу. <...> Человек, знающий себе цену, уходит, а человек, который дорожит работой, подпадает под влияние ребенка, который начинает им манипулировать. <...> Гувернер должен быть независим, а ему сложно быть независимым, потому что он, так или иначе, зависим. И никакая социальная структура его не защищает. <...> В самой грустной ситуации гувернер не может ни в отпуск поехать, ни заболеть, потому что семья сразу избавится от него, скажет: «Вы нам не подходите» (преподаватель педагогического колледжа).

В то же время и сам работодатель является заложником данной ситуации, т. к. профессиональная состоятельность работника не может быть гарантирована никаким внешним институтом. Легальность и безопасность рынка услуг для потребителя и профессионала гарантируется исключительно на неформальном уровне.

Фирмы должны давать гарантии относительно человека, проверять, что этот человек не состоит на учете в психоневрологическом диспансере, наркотическом диспансере, не состоит на учете в полиции и не находится под следствием. Но на самом деле никто не несет ответственности за этого специалиста (преподаватель педагогического колледжа).

Один из аспектов вопроса — проблематика сексуального насилия, в отношении как работника, так и работодателя [19]. Этот аспект был затронут и нашими респондентками. Специфика надомной работы гувернера проявляется в контроле работодателем не только работы, но и телесных практик (сексуальность, поведение, выбор одежды и пр.).

Ниша молодого студента представлена и всегда была представлена очень незначительно. В чем проигрывает молодой специалист? <...> Молодые барышни проигрывают как конкурентки мамам, если отбор производит именно жена. Мы разговаривали с теми, кто проводит отбор, и они говорили о том, что как только к резюме приложена фотография девушки с привлекательной внешностью, то идет отказ (преподаватель педагогического колледжа).

Специфика научной экспертизы гувернерства и профессионального образования гувернеров

Развитие научной экспертизы и ее популяризация могли бы способствовать изменению положения ниши «профессиональная забота о дошкольниках и их образовании» на рынке труда. В рамках научного дискурса представлено довольно четкое вычленение экспертной зоны гувернерства из сопредельных профессиональных зон. Основой данной сегментации является концентрация именно на образовательной/педагогической составляющей и непосредственной реализации практики в пространстве дома и семьи ребенка. Это отражается в категоризации экспертизы в рамках проблематики домашнего воспитания.

Закономерным следствием развития научного дискурса и практики гувернерства является и формирование специализированной образовательной системы подготовки в рамках государственных, а впоследствии и частных

образовательных программ. Здесь стоит отметить, что в пределах института государственного педагогического образования это направление сохраняет особенности институционализации, выражающиеся во включении в более общую экспертизу.

Воплощением тренда развития сектора стала разработка и реализация в программе государственных педагогических колледжей такой формальной специализации, как «Домашнее образование», что предполагало вычленение ее из более общей и уже институционализированной системы дошкольного и младшего школьного образования. Появление наравне с классическими специальностями «педагог начальных классов» и «педагог дошкольного образования» отдельной и самостоятельной специальности «педагог домашнего воспитания» стало воплощением и кульминационным моментом институционализации данного научного знания.

В 1998—2000 годах в системе профессионального образования, в колледжах был разработан специальный стандарт «Домашнее образование». Государство создало такую модель, и некоторые учреждения по России набирали специалистов для обучения (преподаватель педагогического колледжа).

Но постепенно данное направление вновь было частично включено в более общую профессиональную педагогическую подготовку. Определенная самостоятельность сохраняется за счет адаптации учебного плана к особенностям профессии, например включения предметов, которые не задействованы в рамках классической дошкольной педагогики, но востребованы с учетом особенностей практики. Так, профессиональная работа вне зоны доминирования институционализированной научной компетенции воспитателя детского сада делает востребованными дополнительные знания из сопредельных гуманитарных дисциплин, ориентированные на институты семьи, брака.

Но массового спроса (на специализацию «Домашнее образование». — Е. К.), по сравнению с воспитателем и учителем начальных классов, не было. <...> И при смене стандартов эту сферу уже не выделяли в отдельную специальность, а дали возможность учреждениям решать самим и вести просто дополнительную подготовку в области семейного образования. Основное образование «воспитатель», а специализация в области домашнего образования. Читаются дополнительные дисциплины, в основном конфликтология, психология семьи и т. д. (преподаватель педагогического колледжа).

Респонденты объясняют возврат в формат общей дошкольной педагогики ориентацией государственных образовательных программ на государственный же рынок занятости. Так как «Домашняя педагогика» практически исключена из официальной массовой практики бюджетных организаций дошкольного образования, это стимулирует переориентацию и специального профессионального образования в сфере заботы о дошкольниках и их воспитания.

Не смогли сделать полный набор. Может быть, абитуриенты опасались, что для каких-то регионов это слишком узкая колея по сравнению со специалистом «воспитатель» или «учитель начальных классов» (преподаватель педагогического колледжа).

Система профессиональной подготовки кадров существует и в рамках частного сектора. В данном случае имеются в виду не частные образовательные

учреждения, а кадровые агентства. Частные учреждения профессионального образования работают в рамках государственного лицензирования программ и вынужденно поддерживают официальные стандарты объема и качества образования. Курсы, практикуемые кадровыми агентствами, не проходят подобной аккредитации; они рассчитаны на принципиально более короткий промежуток времени для подготовки. Их необходимость явно стимулирована необходимостью «экспертной легитимации» того кадрового предложения, которым располагает кадровое агентство. Но респонденты высказывались довольно скептически в отношении подобного типа образования.

Готовит их частный сектор. Это различного рода курсы, которые, возможно даже замахиваясь в идеале на большой срок подготовки и качество, не могут этого реализовать на практике. Мы, сотрудники колледжа, сотрудничали с одним агентством, совсем неплохим, казалось бы, ратующим за качество, но в итоге наш план подготовки в полгода свелся к двум неделям (преподаватель педагогического колледжа).

Государство и гувернерские службы как гаранты профессиональной экспертизы

Гувернерство как образовательная услуга ориентирована на домашнее воспитание и предполагает реализацию практики на дому. При этом заключение формального трудового договора специалиста возможно не только непосредственно с родителями ребенка, но, например, с дошкольным образовательным учреждением (реализующим программу гувернерской службы). Здесь стоит отметить, что в России существует данная практика и она, безусловно, способствует и легализации трудовых отношений, и снятию гендерных ограничений роста статусных показателей профессии.

Включение частного сектора дошкольного образования в сферу государственного софинансирования может способствовать легализации услуг гувернерства, но опять же через опосредующие структуры (образовательные организации, которые будут выступать юридическим лицом и представителем гувернеров). С точки зрения респондентов, эта стратегия не снимет всей проблематики вопросов, т. к. далеко не все потребители услуги будут заинтересованы в формализации трудовых отношений.

Сейчас, когда примут стандарт дошкольного образования, там предусмотрены субсидии, и конечно, частный сектор туда активно будет включаться. А то, что государство устранялось и продолжает устраняться от качества образования, это, конечно, печальная ситуация (преподаватель педагогического колледжа).

Некоторые регионы, не имея возможности построить детские сады и обеспечить детей местами, выплачивают семьям небольшую дотацию, хоть и небольшую, но из бюджета. Семья может добавить и пригласить такого специалиста из гувернерской службы. Такие службы создаются при детских садах, колледжах, это возможность встретиться спросу и предложению. <...> Такая служба — это удобно, потому что люди имеют образование, они прошли повышение квалификации, имеют медицинский ежегодный

осмотр, знают методику, работают полдня в саду, а во вторую половину дня могут по договору социального найма прийти индивидуально в семью и оказывать эту услугу профессионально. Поскольку в лице садика или колледжа появляется третье лицо, которое может контролировать, отвечать за качество услуг, это выгодно всем (преподаватель педагогического колледжа).

Если была бы какая-то государственная система, то, наверное, ей родители доверяли бы. Тогда и у нас была бы защита какая-то. А сейчас все на договоренности между семьей и мной (практикующий гувернер).

Выводы

Локализация гувернерства в рамках частного сектора и неформализованных трудовых отношений стимулирует проблематику социального расслоения населения и платежеспособного спроса. Вынужденная ориентация на образовательные, гендерные и социальные концепты и стереотипы работодателей (родители), а не на нормы научной экспертизы в непосредственной практике ведет к ярко выраженному расслоению профессиональной группы. Наиболее очевидными становятся проблемы прекаризации трудовых отношений, отсутствия формальной принадлежности практикующих работников к институту образования в целом, к институту защиты прав работников. Все эти факторы не способствуют системному росту статусных показателей занятия и осложняют практику специалистов.

Библиографический список

1. *Бабаян А. В.* Домашние наставники и учителя в России во 2-й половине XIX века // Страницы истории педагогики. Пятигорск : Пятигорский ГЛУ, 2000. Вып. 14. С. 17—22.
2. *Ганичева А. Н.* Подготовка воспитателя-гувернера в системе среднего профессионального педагогического образования : дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 160 с.
3. *Здравомыслова Е.* Няни в условиях изменения гендерного контракта: коммерциализация и профессионализация заботы // Социальная политика в современной России : реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой ; ЦСПГИ. М. : Вариант, 2008. С. 320—348.
4. *Колесникова Е. М.* Педагоги дошкольного образования в изменяющемся институциональном контексте: реформа социальной политики и перспективы профессиональной группы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2013. № 3. С. 31—37.
5. *Мансуров В. А., Юрченко О. В.* Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36—46.
6. Образование в России — 2008 : статистический бюллетень. М. : МГУПИ, 2009. 436 с.
7. Образование в России — 2011 : статистический бюллетень. М. : МГУПИ, 2011. 580 с.
8. Образование в Российской Федерации. М. : ГУ ВШЭ : ЦИСН, 2003. 255 с.
9. *Овсянникова Е. А.* Женское лицо российского образования : (исторический аспект) // Наукоедение : интернет-журнал. 2013. № 3. URL:

- <http://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-litso-rossiyskogo-obrazovaniya-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 23.11.2014).
10. *Тихенко Т. В.* Проблема гувернерства в теории и практике современного образования // Учебно-воспитательный процесс в школе и вузе. М : Народный учитель, 2000. С. 41—46.
 11. *A Labour of Love : Women, Work, and Caring / ed. by J. Finch, D. Groves.* London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1983. 182 p.
 12. *Baumol W. J.* Macroeconomics of unbalanced growth: the anatomy of urban crisis // *The American Economic Review.* 1967. № 3. P. 415—426.
 13. *Bettio F., Simonazzi A., Villa P.* Change in care regimes and female migration: the «care drain» // *The Mediterranean : Journal of European Social Policy.* 2006. № 3. P. 271—285.
 14. *Blau D.* *The Child Care Problem : an Economic Analysis.* New York : Russell Sage, 2001. 266 p.
 15. *Cameron C., Mooney A., Moss P.* The child care workforce: current conditions and future directions // *Critical Social Policy.* 2002. № 4. P. 572—596.
 16. *Cameron C., Moss P.* *Care Work in Europe : Current Understandings and Future Directions.* London ; New York : Routledge, 2007. 170 p.
 17. *Cameron C., Moss P., Owen C.* *Men in the Nursery: Gender and Caring Work.* London : Paul Chapman, 1999. 200 p.
 18. *Duffy M.* *Making Care Count : a Century of Gender, Race, and Paid Care Work.* New Brunswick (NJ) : Rutgers University Press, 2011. 185 p.
 19. *Ehrenreich B., Hochschild A. R.* *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy.* New York : Metropolitan Books, 2002. 328 p.
 20. *England P.* Emerging theories of care // *Annual Review of Sociology.* 2005. № 1. P. 381—399.
 21. *England P., Folbre N.* The cost of caring // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.* 1999. № 1. P. 39—51.
 22. *Evers A., Lewis J., Riedel B.* Developing child-care provision in England and Germany: problems of governance // *Journal of European Social Policy.* 2005. № 3. P. 195—209.
 23. *Finch J.* *Family Obligations and Social Change.* Oxford ; Cambridge : B. Blackwell, 1989. 269 p.
 24. *Folbre N.* Demanding quality: worker / consumer coalitions and «high road» // *Strategies in the Care Sector. Politics & Society,* 2006. № 1. P. 11—32.
 25. *For Love and Money : Care Provision in the United States / ed. by N. Folbre.* New York : Russell Sage Foundation, 2012. 280 p.
 26. *Fuller B., Strath A.* The child-care and preschool workforce: demographics, earnings, and unequal distribution // *Educational Evaluation and Policy Analysis.* 2001. Vol. 23, № 1. P. 37—55.
 27. *Gender Equality : Transforming Family Divisions of Labor / ed. by J. C. Gornick, M. K. Meyers.* London ; New York : Verso, 2009. 466 p.
 28. *Graham H.* Caring: a labour of love // *A Labour of Love: Women, Work, and Caring / ed. by J. Finch, D. Groves.* London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1983. P. 13—20.
 29. *Himmelweit S.* Caring: the need for an economic strategy // *Public Policy Research.* 2005. № 3. P. 168—173.
 30. *Laere K. V., Peeters J., Vandenbroeck M.* The Education and Care Divide: the role of the early childhood workforce in 15 European countries // *European Journal of Education.* 2012. Vol. 47, № 4. P. 527—541.

31. *Land H., Rose H.* Compulsory altruism for some or an altruistic society for all? // *Indefence of Welfare* / ed. by P. Bean, J. Ferris, D. Whynes. London ; New York : Tavistock Publications, 1985. P. 74—96.
32. *Leira A.* Concepts of caring: loving, thinking, and doing // *Social Service Review*. 1994. № 2. P. 185—201.
33. Motherhood, paid work and partnering: values and theories / S. Duncan, R. Edwards, T. Reynolds, P. Alldred // *Work Employment Society*. 2003. № 2. P. 309—330.
34. *Murray S. B.* Getting paid in smiles: the gendering of child care work // *Symbolic Interaction*. 2000. Vol. 23, № 2. P. 135—160.
35. *Shalev M.* Class divisions among women // *Gender Equality : Transforming Family Divisions of Labor* / ed. by J. C. Gornick, M. K. Meyers. London ; New York : Verso, 2009. P. 255—282.
36. *Stallard K., Ehrenreich B., Sklar H.* Poverty in the American Dream : Woman and Children First. Cambridge : South and Press, 1983. 64 p.
37. The Effective Provision of Pre-School Education (EPPE) Project : Effective Pre-School Education: a Longitudinal Study Funded by the DfES, 1997—2004 / K. Sylva, E. Melhuish, P. Sammons, I. Siraj-Blatchford, B. Taggart. Annesley : DfES Publications, 2004. 91 p.
38. *Tuominen M.* Caring for profit: the social, economic and political significance of for-profit child care // *Social Service Review*. 1991. Vol. 65, № 3. P. 450—467.
39. *Ungerson C.* Why do women care? // *A Labor of Love: Women, Work, and Caring* / ed. by J. Finch, D. Groves. London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1983. P. 31—51.
40. *Whitebook M.* Child care workers: high demand, low wages // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1999. Vol. 563. P. 146—161.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

О VII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «ПОЛ, ПОЛИТИКА, ПОЛИКУЛЬТУРНОСТЬ: ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ СИСТЕМЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ, www.garwh.ru), Российский национальный комитет Международной федерации исследователей женской истории, сектор этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, Рязанская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького и Рязанский областной совет женщин при финансовой поддержке Глобального фонда для женщин, Фонда Ф. Эберта и Фонда М. Прохорова провели 9—12 октября 2014 г. очередную (седьмую) международную научную встречу. Название прошедшей конференции — «Пол, политика, политкультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем».

На конференцию было прислано более 340 заявок. В итоге в ее работе приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Нижнего Новгорода, Казани, Махачкалы, Тамбова, Ставрополя, Калининграда, Нальчика, Череповца, Липецка, Твери, Екатеринбурга, Иванова, Воронежа и др. Приехали на нее и гости из ближнего и дальнего зарубежья: Украины, Беларуси, США, Франции, Германии, Молдовы, Казахстана, Польши, Литвы, Болгарии.

Как и в прошлые годы, конференция собрала историков и политологов, социологов и журналистов, литературоведов и юристов, лингвистов, экономистов, искусствоведов. Оргкомитет конференции возглавили доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН Н. Л. Пушкарёва и доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина О. Д. Попова.

В ходе научной встречи на 16 секциях и круглых столах обсуждался широкий круг вопросов. Среди них: гендерная психология и проблемы пола в социальной философии, особенности профессиональной самореализации мужчин и женщин, гендерные аспекты возраста, повседневной жизни, политической власти. Впервые на конференцию были приглашены актуальные художницы и искусствоведы, поэтому в повестке дня стояло обсуждение темы «Феминизм и искусство».

Центральной темой конференции была проблема взаимодействия гендерных отношений и гендерных систем в прошлом и настоящем в условиях поликультурного пространства. Авторы многих докладов попытались осмыслить вопрос, как менялись возможности социальной реализации мужчин и женщин в общественной, производственной и политической деятельности в зависимости от удаления от столицы к глубинке, провинции, в разных этноконфессиональных средах, в разные эпохи. Особенностью нынешнего научного форума, проведенного РАИЖИ, было большое внимание к проблеме ментальностей людей разных социальных слоев, отражение проблем их взаимоотношений, восприятия гендерных ролей в общественном сознании разных эпох.

2014 г. отмечен юбилеями ряда событий: 100-летием с начала Первой мировой войны, 150-летием Судебной и Земской реформ 1864 г. Эти события нашли отражение в работе конференции. Одна из секций была посвящена вкладу женщин в историю побед российского оружия, другая — гендерным аспектам соционормативной культуры.

Политический климат в России не благоприятствует развитию феминистских и даже гендерных исследований, как в целом не способствует академической свободе. В данных условиях исключительно трудно проводить мероприятия, осуществлять научно-исследовательскую и образовательную работу. Вузы стараются исключать гендерные курсы (даже просто по женской истории) из своих программ. Стандарты образования следующих поколений предполагают сведение к минимуму всех курсов по выбору (в рамках которых обычно осуществляется чтение гендерных курсов). Экономический кризис не способствует развитию РАИЖИ, поскольку российские научные фонды, и до этого не поддерживавшие гендерные исследования, вообще перестали рассматривать заявки на поддержку подобных «неприоритетных» направлений.

И все-таки новая конференция — уже 8-я по счету — состоится. Местом ее проведения с 8 по 11 октября 2015 г. выбрано российско-украинское пограничье — г. Старый Оскол в Белгородской области (в 100 км от Белгорода и в 180 км от Харькова). Два обстоятельства — тлеющий российско-украинский конфликт и юбилей окончания Второй мировой войны — заставили нас выбрать в качестве основной темы конференции тему женского вклада в миротворчество: «Мир без войн и конфликтов: гендерный аспект». Информация о ней и предполагаемых круглых столах и секциях будет разослана после 1 марта 2015 г.

Н. Л. Пушкарёва,
председатель РАИЖИ,
глава Российского национального комитета
Международной федерации
исследователей женской истории

АННОТАЦИИ

***Клёцина И. С., Иоффе Е. В.* Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами**

Рассматривается содержание гендерного подхода, обсуждаются возможности применения его положений в исследованиях насилия в добрачных и супружеских отношениях. Систематизированы теоретические концепции, объясняющие происхождение насилия в отношениях; перечисляются меры, которые необходимо предпринять для профилактики насилия в семейных отношениях.

Ключевые слова: насилие в отношениях мужчин и женщин, гендерный подход, борьба за власть, доминирующая маскулинность, манипуляция в гендерных отношениях.

***Сушкова Е. И.* Социально-психологические особенности женщин, получающих дополнительное высшее образование**

Рассматриваются индивидуальные особенности женщин и различия мотивационной сферы женщин и мужчин, получающих дополнительное высшее образование, а также женщин, получающих единственное высшее образование.

Ключевые слова: дополнительное высшее образование, мотивы обучения в вузе, индивидуальные особенности личности.

***Симонова О. А.* Женские журналы в начале XX в.: критика, рецепция, полемика**

Рассматриваются женские журналы, выходившие в России в начале XX в. и занимавшие промежуточное положение между массовыми дамскими и узкоспециализированными феминистскими изданиями. Замкнутость женской периодики на себе, маргинальное положение по отношению к общей прессе как нельзя лучше соответствовали представлению о молчаливой незаметности женщины в культуре. Поэтому мужская критика наиболее рьяно обрушивалась на женские журналы именно тогда, когда они нарушали привычные стереотипы женственности.

Ключевые слова: дамские журналы, феминистские журналы, критика женских журналов.

***Красильникова О. В.* Проблемы адаптации немецких мигрантов из бывшего СССР как фактор реэмиграции (Гендерный подход)**

Анализируются проблемы адаптации мигрантов из республик бывшего СССР. В рамках модели аккультурации Дж. Берри рассматриваются особенности женских и мужских адаптационных стратегий. Исследование, проведенное на основе социологических опросов среди русскоязычных мигрантов, проживающих в Германии, позволило сделать вывод о наличии в ФРГ потенциала реэмигрантов и сконструировать их собирательные образы.

Ключевые слова: миграционные процессы, гендерный подход, модель аккультурации, адаптация мигрантов, стратегии адаптации, русскоязычные переселенцы, реэмигранты.

Мутиева О. С. Роль женщин высшего сословия в социально-политических процессах Дагестана (XVIII — начало XX в.)

Освещаются вопросы, связанные с ролью женщины высшего сословия в социально-политической жизни народов Дагестана. Исследование показывает, что знатная женщина-горянка не только не была ущемлена в социальном статусе, но могла играть весьма значительную роль в политических процессах. Статья написана с привлечением литературного, архивного и этнографического материала.

Ключевые слова: Дагестан, женщина, статус, высшее сословие, традиционное общество, гендерные отношения, социально-политическая жизнь.

Натаев С. А. К вопросу о социальном статусе женщины в чеченской традиционной семье

На основе анализа исторических и этнографических материалов рассматривается социальный статус женщины в чеченской традиционной семье. Дана социальная семантика слов, обозначающих статус женщины в чеченской семье в процессе изменения ее социальных функций в гендерном аспекте. Обозначены права и гарантии для женщины при заключении и расторжении брака. Предлагается авторское видение проблемы женского пространства в чеченской семье. Делается вывод, что у чеченцев была развита норма уважения и почитания женщины как дочери, сестры, жены, матери, как хранительницы очага семьи.

Ключевые слова: женщина, тайп, семья, социальный статус, адат, шариат, женское пространство.

Сиражудинова С. В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе

Исследуются гендерные границы в северокавказском обществе. В основе статьи — результаты социологического исследования в Республике Дагестан, позволяющие выявить роль гендерных барьеров, которую усиливает специфика региона, традиционность и ислам на Северном Кавказе.

Ключевые слова: гендер, границы, ислам, традиции, женщина.

Шишелякина А. Л. Фемининность в дискурсивном пространстве российского истеблишмента

Прослеживается динамика дискурсов российского истеблишмента по проблеме женственности и социальной роли женщины в обществе. На материалах официальной прессы Тюменской области показана постсоветская трансформация указанных дискурсов, вариативность и унифицированность риторики в разные исторические периоды. Обращается внимание на нормативные и ненормативные образцы фемининности, механизмы стигматизации ненормативных образцов и поведения на разных этапах.

Ключевые слова: дискурс, гендер, репрезентация, СМИ, Тюменская область, женственность.

Колесникова Е. М. Перспективы (де)профессионализации заботы о детях-дошкольниках: гувернеры как профессиональная группа

Представлен анализ проблематики гувернерства как части профессиональной группы педагогов дошкольного образования. Локализация данного труда в рамках частного сектора и неформализованных трудовых отношений стимулирует проблематику социального расслоения населения и платежеспособного спроса.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, дошкольное образование, воспитатели, профессиональная группа.

SUMMARIES

Kletsina I. S., Ioffe E. V. Gender approach in the analysis of the violence causes in intimate relationships between men and women

The essence of gender approach and the possibility of applying its provisions in studies of violence in premarital and marital relationships are examined in the article. Theoretical conceptions are systematized, explaining the origin of violence in relations; measures that should be undertaken for the violence prevention in domestic relations are enumerated.

Key words: violence in the relations of men and women, gender approach, race for power, dominant masculinity, manipulation in gender relations.

Sushkova E. I. Socio-psychological features of women working at getting another higher education diploma

The article discusses the individual characteristics of women receiving an additional higher education degree; differences in men and women motivational spheres connected with getting another university diploma as well as peculiarities of women getting the only university degree.

Key words: additional higher education, motives of getting a university degree, individual personality traits.

Simonova O. A. Women's magazines at the beginning of the XX c.: criticism, perception, controversy

The article deals with the women's magazines occupying an intermediate position between large-scale ladies publications and highly-specialized feminist titles. This self-restraint and self-directedness, marginalized position occupied by women publications corresponded really well to the idea of silent and obscure woman. Every violation of usual stereotypes of femininity was met with overzealous criticism on the male part of society.

Key words: ladies magazines, feminist magazines, criticism of the women's magazines.

Krasilnikova O. V. German migrants from the former Soviet Union adaptation problems as a factor of re-emigration (Gender approach)

This article explores the problems of adaptation among German migrants from the former republics of the Soviet Union. Female and male adaptation strategies are considered under the prism of John W. Berry's model of acculturation. The research based on the survey conducted among Russian-speaking migrants living in Germany, leads to the conclusion: there is a certain potential for re-emigration in Germany and constructs the generalized image of such a person.

Key words: migration processes, gender approach, model of acculturation, adaptation of migrants, adaptation strategy, Russian-speaking re-settlers, re-emigrants.

***Mutiewa O. S.* Role of upper class women in sociopolitical processes in Dagestan (XVIII — beginning of XX c.)**

This paper highlights the issues related to the role of upper-class women in social and political life of the peoples of Dagestan. The research shows that the noble woman «goryanka» not only was not infringed in social status, but in fact was able play a very significant role in the political process. The research result are based on the literary, archival and ethnographic materials.

Key words: Dagestan, woman, status, upper class, traditional society, gender relations, social and political life.

***Natayev S. A.* On the issue of woman's social status in the traditional Chechen family**

The article deals with the issue of woman's social status in the traditional Chechen family. The research is based on historical as well as ethnographic materials. The attention is paid to the meanings of words which used to denote a woman's status as her social role was being transformed. Woman's rights on conclusion as well as dissolution of marriage are mentioned. The author proposes his own view of the space occupied by women in Chechen families. The scholar comes to the conclusion that Chechen people used to respect and revere women as daughters, sisters, wives, mothers as some kind of domestic goddesses.

Key words: woman, teip (Chechen clans), family, social status, adat, shariat, women space.

***Sirazhudinova S. V.* Gender borders and the perspective for gender dialogue in the Northern Caucasus**

In the modern world proclaiming the values of democracy, human rights and equality, the issue of social borders is still relevant. The article explores the question of the existence of gender boundaries in the North Caucasian society. The article is based on the results of the sociological research in the Republic of Dagestan. The results of the study show the effect of gender barriers increased by the specificity of the region, traditions and Islam.

Key words: gender, boundaries, Islam, traditional society, women studies.

***Shishelyakina A. L.* Femininity in the discourse of the Russian establishment**

The main purpose of the article — to shed light on the dynamics of the discourse of the Russian establishment on the issue of femininity and the social role of women in society. The material of press in Tyumen region shows the post-Soviet transformation of the discourse of the establishment. The author draws attention to the normative and non-normative patterns of femininity, mechanisms of stigmatization of non-normative patterns of femininity in different historical periods.

Key words: discourse, gender, representation, media, Tyumen region, femininity.

***Kolesnikova E. M.* Perspectives of the (de)professionalization of child-preschool care: gouverneurs as a professional group**

This article presents an analysis of gouverneurs, as part of a professional group of preschool teachers. The localization of this job within the private sector and informal employment stimulates the problems of social stratification of the population and purchasing power in the evaluation of structural characteristics of professional groups and perspectives of its development and professionalization.

Key words: sociology of profession, sociology of education, preschool education, preschool teachers, professional group.

АВТОРЫ НОМЕРА

- ИОФФЕ**
Елена Викторовна кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).
elenaioffe@yandex.ru
- КЛЁЦИНА**
Ирина Сергеевна доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).
irinaklyotsina@mail.ru
- КОЛЕСНИКОВА**
Елена Михайловна кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп, Институт социологии РАН (Москва).
kolesnikova@mail.ru
- КРАСИЛЬНИКОВА**
Оксана Вячеславовна кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета (Набережные Челны).
ovkrasilnikova@kpfu.ru
- МУТИЕВА**
Оксана Саидовна кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный институт народного хозяйства (Махачкала).
mutiewa.oksana@yandex.ru
- НАТАЕВ**
Сайпуди Альвиевич кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов Чечни, Чеченский государственный университет (Грозный).
nataev.s@yandex.ru
- ПУШКАРЁВА**
Наталья Львовна доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва).
pushkarev@mail.ru

Авторы номера

СИМОНОВА
Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва).
osimonova@yandex.ru

СИРАЖУДИНОВА
Саида Валерьевна

кандидат политических наук, докторант,
Южно-Российский институт — филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Ростов-на-Дону).
saida_kant@mail.ru

СУШКОВА
Елена Игоревна

аспирантка кафедры социальной работы
и прикладной психологии,
Ивановский государственный университет.
eisushkova@mail.ru

ШИШЕЛЯКИНА
Алёна Леонидовна

младший научный сотрудник,
Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень).
shishelyakina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 3

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Клёцина И. С., Иоффе Е. В.** Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами 4
- Сушкова Е. И.** Социально-психологические особенности женщин, получающих дополнительное высшее образование 18

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Симонова О. А.** Женские журналы в начале XX в.: критика, рецепция, полемика 24
- Красильникова О. В.** Проблемы адаптации немецких мигрантов из бывшего СССР как фактор реэмиграции (Гендерный подход) 33

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Мутиева О. С.** Роль женщин высшего сословия в социально-политических процессах Дагестана (XVIII — начало XX в.) 43
- Натаев С. А.** К вопросу о социальном статусе женщины в чеченской традиционной семье 48
- Сиражудинова С. В.** Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе 53

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Шишелякина А. Л.** Фемининность в дискурсивном пространстве российского истеблишмента 62
- Колесникова Е. М.** Перспективы (де)профессионализации заботы о детях-дошкольниках: гувернеры как профессиональная группа 70

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

- Пушкарёва Н. Л.** О VII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН «Пол, политика, поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем» 83
- Аннотации* 85
- Авторы номера* 89

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

GENDER PSYCHOLOGY

Kletsina I. S., Ioffe E. V. Gender approach in the analysis of the causes of violence in intimate relationships between men and women	4
Sushkova E. I. Socio-psychological features of women receiving additional higher education	18

WOMEN AND GENDER HISTORY

Simonova O. A. Women's magazines at the beginning of the XX c.: criticism, perception, controversy	24
Krasilnikova O. V. Adaptation problems of German migrants from the former Soviet Union as a faktor of re-emigration (Gender approach)	33

GENDER ASPECTS OF ETHNOCULTURAL PROCESSES

Mutiewa O. S. Role of women upper class in sociopolitical processes Dagestan (XVIII — beginning of XX c.)	43
Natayev S. A. On the issue of woman's social status in the traditional Chechen family ...	48
Sirazhudinova S. V. Gender borders and the perspective for gender dialogue in the Northern Caucasus	53

GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

Shishelyakina A. L. Femininity in the discourse of the Russian establishment	62
Kolesnikova E. M. Perspectives of the (de)professionalization of child-preschool care: gouverneurs as a professional group	70

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Pushkareva N. L. On VII International scientific conference RAIZHI and IEA RAN «Sex, politics, polyculturalism, gender relations and gender systems in the past and present»	83
<i>Summaries</i>	87
<i>Authors of the issue</i>	89

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвигание гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (250—300 слов);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод;
- ключевые слова на английском языке;
- место работы и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите. Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык. Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом (образцы оформления см. на сайте журнала).

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 (74) — 2015

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.03.2015 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 81. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru